PG 3467
.N28 T8
1874
Copy 1

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class PGR 1797

Book N 8

YUDIN COLLECTION

Тарасу Петровичу Полевому

18/XI 74 отъ автора

ЦАРЕВНА СОФЬЯ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

Н. А. Вроцкаго.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи М. Р. Ромма, на Жмудскомъ переулкѣ № 327.

1874.

Navrotskii, Aleksandr Ale
" sandrovich

ЦАРЕВНА СОФЬЯ

Tsarevna Sof'ia

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

Н. А. Вроцкаго.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи М. Р. Ромма, на Жмудскомъ переулкѣ № 327.

1874.

PG3467
N28T8
1874

Дозволено цензурою.— 24 Іюня 1874 г. Вильна.

ПРОЛОГЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЦАРЕВНА-СОФЬЯ— 17 лѣтъ.
КНЯГИНЯ АННА НИКИФОРОВНА ЛОБАНОВА-РОСТОВСКАЯ— ея мама.
ВЛАСЬЕВНА—верховая богомолица, 80 лѣтъ.
СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ—царскій духовникъ и наставникъ царскихъ дѣтей.
НИКИТКА—Литвинъ, шутъ.
1, 2 } **ПОСТЕЛЬНИЦЫ.**

Дѣйствіе происходитъ въ 1675 году, въ Коломенскомъ дворцѣ.

Теремъ Царевны Софьи. Ясный лѣтній вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Софья сидитъ, задумавшись, у открытаго окна, передъ ней пяльцы съ вышивной работой. Входитъ княгиня **Лобанова-Ростовская.**

КНЯГИНЯ.

О чемъ задумалась Царевна? Иль узоръ
Ужъ очень труденъ? Дай-ка разглядѣть мнѣ. *(подходитъ къ пяльцамъ).*

СОФЬЯ.

Узоръ не труденъ, только лѣнь работать;
Какая-то дремота одолѣла
И давитъ грудь, и странно бьется сердце:
То вдругъ замретъ, то встрепенется разомъ
И такъ неровно, сильно застучитъ,
Какъ будто вырваться изъ груди тѣсной хочетъ.
И такъ пріятно: голова кружится,

Въ вискахъ стучитъ, а на душѣ легко;
И плакать хочется, и хочется молиться,
И что-то странное творится надъ тобой.
Что это значитъ, мама? Объясни?

КНЯГИНЯ.

Понять легко: играетъ кровь младая;
Ступай на воздухъ, освѣжи себя
И все пройдетъ.

СОФЬЯ.

Пройдетъ, я это знаю;
А послѣ станетъ вдвое тяжелей.
Все пусто кажется, и нѣтъ нигдѣ покоя,
И западетъ на сердце грусть-тоска,
И скучно такъ, и злоба безъ причины
Вдругъ обуяетъ бѣдную меня.

КНЯГИНЯ.

Не нужно такъ, Царевна, поддаваться
Лукавымъ мыслямъ; насылаетъ врагъ
Ихъ на душу невинную, младую
И миръ ея старается смутить.
Трудись; работай; если-жъ нападетъ
Тоска дѣвичья—дурокъ призови
И тѣшься ихъ дурацкимъ смѣхотворствомъ,
Иль пѣсни пѣть заставь сѣнныхъ ты дѣвокъ,
Иль позови тусляра—и тебя
Онъ позабавитъ пѣснею правдивой,
Отъ дѣдовъ слышанной о старинѣ святой.
Затѣевъ много!

СОФЬЯ.

Всѣ онѣ мнѣ скучны,
И ужъ не тѣшатъ болѣе меня.
Одно и тоже!

КНЯГИНЯ.

Коли надоѣли,
Такъ мало-ли заняться можно чѣмъ.
Потѣхѣ—часъ, разумной же бесѣдѣ
Всегда съ охотой слѣдуетъ внимать.

Читай псалтырь, читай святыя книги
О житіи Пречистой и Святыхъ,
Иль позови многострадальныхъ странницъ
И слушай ихъ, онѣ тебѣ разскажутъ,
Чтó видѣли: какъ сподобилъ Господь
Ихъ чудотворцамъ разнымъ поклониться
И гробъ Святой Спасителя узрѣть;
Какъ нехристи поганые тѣснятъ
Родъ христіанскій, какъ живутъ тамъ люди,
Какіе тамъ и звѣри, и цвѣты,
И птицы разныя, чтó гласомъ человѣка
Порою, говорятъ между собой.

СОФЬЯ.

Я знаю все; я слышала ихъ много,
Онѣ одно и тоже говорятъ.

КНЯГИНЯ.

Чего-жъ ты хочешь?

СОФЬЯ.

И сама не знаю.
Скажи, бывало-ли подобное съ тобой?

КНЯГИНЯ.

Не помню, милая; а если и бывало,
Такъ проходило скоро, безъ слѣда.

СОФЬЯ.

Пройти—пройдетъ, а послѣ вновь настанетъ,
И съ каждымъ разомъ хуже да сильнѣй.
Что дѣлать, мама? Научи; скажи? *(склоняется къ ней на грудь и плачетъ).*

КНЯГИНЯ.

О чемъ ты плачешь? Не больна-ли полно?
Не сглазилъ-ли тебя злодѣйскій глазъ?
Ты никого не встрѣтила сегодня,
Когда гуляла давеча въ саду?

СОФЬЯ.

Нѣтъ, никого.

КНЯГИНЯ.

А кушала исправно?

СОФЬЯ.

Да, хорошо.

КНЯГИНЯ.

Должно быть долетѣли
Къ тебѣ въ окно заглазное шептанье
Иль чей-нибудь злодѣйскій наговоръ. (*встаетъ*).
Постой! вотъ я водой Богоявленской
Тебя опрыскаю, молитву сотворю,
И все пройдетъ, и вражье навожденье
Тебя не станетъ мучать да смущать.

СОФЬЯ.

Останься, мама! Это такъ, пустое.
Вотъ и прошло! Поговори со мною;
Тебя о многомъ надо мнѣ спросить.

КНЯГИНЯ (*садится*).

Поговоримъ, изволь! И буду рада
Коль развлеку я чѣмъ-нибудь тебя.
Ну, спрашивай!

СОФЬЯ.

Спросить тебя; о чемъ-же?
Съ чего начать? Такъ много думъ нашло,
Такъ много накопилося желаній,
Что ужъ не знаю, какъ ихъ передать. (*думаетъ*).
Скажи мнѣ, мама,.... отчего должны мы....
Весь вѣкъ свой въ теремѣ закрытомъ проводить?

КНЯГИНЯ.

Такъ и́стари ведется; наши предки
Такой обычай положили—и должны
Мы исполнять его безпрекословно.
Такъ нужно, милая, и такъ оно и будетъ:
Не нами создано, не намъ и измѣнять.
Да развѣ въ теремѣ тебѣ ужъ стало скучно?
Раненько, кажется, забавамъ нѣтъ конца;
А если надоѣли, такъ придумай;
Отказу вамъ не встрѣтится ни въ чемъ.

СОФЬЯ.

Забавы всѣ мнѣ надоѣли, мама,
И вамъ меня ужъ ими не развлечь.
Другія думы, странныя такія,
Мной овладѣли—страшно и сказать.

КНЯГИНЯ.

Какія же?

СОФЬЯ *(помолчавъ)*

Недѣли двѣ назадъ,
Сидѣла я у тетушки Татьяны
И вышивала съ нею пелену;
И видѣла, какъ утромъ молодые
Къ ней бить челомъ съ подарками пришли.

КНЯГИНЯ.

А, это вѣрно Дунька мастерица,
Что́ выдали намедни за стрѣльца?

СОФЬЯ.

Она и есть. Я видѣла ихъ вмѣстѣ,
И вотъ что мнѣ пришло съ тѣхъ поръ на умъ:
Изъ нашихъ дѣвокъ всѣ выходятъ замужъ,
А изъ царевенъ до сихъ поръ никто
Еще не выданъ....

КНЯГИНЯ *(перебивая)*

Замолчи, Царевна;
Не договаривай! Какая срамота!
Откуда это у тебя явились
Такія думы? Вѣрно ты болтала
Съ постельницами? Я вотъ имъ задамъ
Дѣвчонкамъ сквернымъ!

СОФЬЯ.

Мама дорогая,
Я не отъ нихъ, я такъ....сама....одна....
Сама додумалась.

КНЯГИНЯ.

Тогда еще срамнѣе!

Въ твои лѣта! Вѣдь ты еще ребенокъ,
Тебѣ бы только тѣшиться, гулять,
Да играми лишь въ пору забавляться.
А ты что вздумала.

СОФЬЯ.

Да развѣ не пригоже
Объ этомъ мнѣ съ тобою толковать?

КНЯГИНЯ.

Конечно не пригоже въ эти лѣта.
Я не затѣмъ приставлена къ тебѣ,
Чтобы вести съ тобой такія рѣчи.
Не даромъ я клялась передъ крестомъ
Беречь тебя, какъ собственное око,
И сохранить въ невинности святой
Твою, царемъ мнѣ ввѣренную душу.

СОФЬЯ. *(перебивая)*

Голубушка, да выслушай меня!

КНЯГИНЯ.

Не стану слушать. Никогда ни слова
Не смѣй со мной объ этомъ говорить!
Забудь и думать! Слыхано-ли дѣло
Съ ребенкомъ о замужествѣ болтать.
Стыдись, Царевна! Не клади ты сраму
На голову боярскую мою.
То тяжкій грѣхъ! молитвою святою
Ты изгони ту мысль изъ головы;
То сатаны грѣховное смущенье,
То прелесть дьявольская....

СОФЬЯ.

Ну, пошла опять
Сердиться да бранить меня безъ толку.
О чемъ тебя не спросишь, никогда
Хорошихъ словъ въ отвѣтѣ не услышишь.
На рѣчь мою, на полное довѣрье,
Ты отвѣчаешь смѣхомъ, иль ворчишь,
Иль прочь уйдешь, одну меня оставишь,
Или поклоны класть, порой, заставишь,

А у меня другое на умѣ.
Нѣтъ, видно ты меня не любишь, мама!
Кого-же мнѣ спросить какъ не тебя?
А у тебя на все одинъ отвѣтъ:
Молись, забудь, не намъ о томъ судить,
Не время; у, какая злая!
Лишь плакать заставляешь ты меня. *(плачетъ).*

КНЯГИНЯ.

Ну успокойся, милая; не плачь!
Прости меня; ну побраню слегка,
Такъ для твоей же пользы все стараюсь.
Ну, успокойся! *(за сценой слышны голоса).* Вонъ, никакъ, идетъ
Сюда Никитка. Онъ тебя заставитъ
Невольно разсмѣяться. Балагуръ,
Да сказочникъ, какого не бывало,
Ужъ съ давнихъ поръ и въ Царскомъ терему *(входитъ* Власьевна, *за нею* шутъ).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ВЛАСЬЕВНА.

Матушка—боярыня; прикажи ты этому косому дураку ко мнѣ не приставать, просто нигдѣ приходу не даетъ. Совсѣмъ изъ силъ выбилась.

ШУТЪ.

Садись, тетка, благо ноги донесли! *(къ княгинѣ).* Не вѣрь ты ей, боярыня, это она сама ко мнѣ пристаетъ, давеча при всѣхъ даже поцѣловать хотѣла. Тьфу! *(плюетъ).*

КНЯГИНЯ.

Ну полно, полно! Ты вотъ лучше Царевну потѣшь. Разскажи сказку какую-нибудь или пѣсенку спой, или что другое выдумай. Развесели ее, такъ я тебѣ велю стаканчикъ винца поднести.

ШУТЪ.

Изволь, боярыня. Хочешь сказку, хочешь пѣсню удалую или съ Власьевной пойдемъ плясовую; все могу.

КНЯГИНЯ.

Разскажи лучше сказку.

ШУТЪ.

Какую прикажешь, боярыня? Я ихъ много знаю. Какъ станешь мѣрить на аршинъ, такъ выйдетъ больше, чѣмъ у Власьевны морщинъ.

КНЯГИНЯ.

Какую хочешь Сонюшка?

СОФЬЯ.

Я ихъ всѣ слышала; онѣ мнѣ уже надоѣли.

КНЯГИНЯ.

А новыхъ не знаешь?

ШУТЪ.

Есть боярыня и новыя—и березовыя, и кленовыя. Вотъ что, матушка Царевна! Разскажу я тебѣ сказку, которую еще никто изъ людей не слыхалъ. Хоть и не я ее сотворилъ, но о ней еще никому не говорилъ. Ну, слушай меня, Государыня, слушай, боярыня, слушай и ты разбитая, смертью позабытая.

СКАЗКА ШУТА.

Жили были двѣ вдовы,
Жили въ мірѣ честно,
Только у одной вдовы
Было, вмѣсто головы,
Такъ—пустое мѣсто.

Только стали примѣчать,
Тамъ, гдѣ было пусто,
Стало что-то вдругъ рости:—
Выросла капуста.

Вышелъ цѣлый огородъ;
Овощей запасы
Тамъ не мерзнутъ круглый годъ;
Сталъ ходить честнóй народъ
Покупать припасы.

Такъ то стали двѣ вдовы,
Въ пожилые годы,
И съ пустой то головы
Собирать доходы.

Я, Государыня, Власьевны другъ,
Рядомъ мы съ ней становилися въ кругъ,
Какъ у козы пировали.
Сказывалъ сказку въ то время намъ быкъ,
Да говорить онъ совсѣмъ не привыкъ,
Словно суконный вертѣлся языкъ,
Такъ, что едва разобрали.

ВЛАСЬЕВНА.

Ты, скоморохъ, пѣсни пой, а меня не примѣшивай. Коли самъ бывалъ у козы, такъ про себя и балясничай.

ШУТЪ.

Извини, красавица; обмолвился. Забылъ, что ты съ бѣднымъ народомъ незнаешься. У тебя знакомые все люди родовитые, домовитые; вотъ и теперь, какъ по двору пойду, цѣпному псу отъ тебя поклонъ занесу.

ВЛАСЬЕВНА.

Молчи, гудошникъ!

ШУТЪ (*уходитъ, напѣвая и дразня Власьевну, которая уходитъ за нимъ*).

Эхъ, Власьевна,
Рожа масляна!
Какъ за ней добра
Три пустыхъ ведра,
Да и тѣ безъ дна.
Земли лопата,
Воды три ушата,
Лѣсу—полѣно,
Грязи по колѣно,
Крестьянъ три вдовы,
Да и тѣ безъ головы.

Ну, ну, ну, не сердись, да не танцуй! А то неравно упадешь, такъ и костей твоихъ не соберешь. Эхъ ты, лебедушка!

(*Входитъ* постельница)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ПОСТЕЛЬНИЦА.

Матушка-боярыня пожалуйте! Боярыня Анна Никитишна просить приказали.

КНЯГИНЯ.

Иду, иду! Ай да потѣшникъ! Ишь какую сказку выдумалъ! Надо велѣть ему стаканчикъ поднести. Такъ-ли Сонюшка?

СОФЬЯ.

Поднеси, мама; сто́итъ.

(Княгиня *и* постельница *уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СОФЬЯ.

Вотъ такъ всегда! На всѣ мои вопросы
Всегда готовъ у ней одинъ отвѣтъ.
И все твердитъ, что я такъ молода,
Что обо всемъ мнѣ разсуждать раненько;
Что время мнѣ лишь бѣгать, да играть,
Да дѣтскою потѣхой забавляться.
Не время...рано. Нѣтъ, должно быть время,
Когда въ моей горячей головѣ
Само собой тѣ думы родилися.
Ктожъ разрѣшитъ ихъ мнѣ? Кого спросить?
Къ кому могу я съ вѣрой обратиться?
Кто пожалѣетъ наконецъ меня
И объяснитъ мнѣ все, что накопилось
Въ минуты одиночества, въ часы
Ночной тоски и скуки безпокойной?
Я сирота! На свѣтлыхъ небесахъ,
Въ жилищѣ Бога нынѣ обитаетъ
Царица Руси, мнѣ родная мать.
Царица жъ новая лишь козни точитъ,
И царь-отецъ вполнѣ поддался ей,
И отъ себя давно насъ отдаляетъ.
Царевны-сестры? но и тѣ навѣрно
Не много больше вѣдаютъ меня.

Вѣдь и онѣ, какъ я, заключены
Все въ той же клѣткѣ, тѣ же у нихъ мамы,
И вѣрно тѣ же самыя слова
Онѣ въ отвѣтъ всегда лишь получали.
Кого-жъ спросить? Кто дастъ мнѣ наконецъ
Отвѣтъ простой, но ясный и правдивый?
Никто, никто!

(*входитъ* постельница)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ПОСТЕЛЬНИЦА.

Царевна Евдокія
Тебя просить велѣла, коли ты
Не занята какой нибудь работой.

СОФЬЯ.

Зачѣмъ?

ПОСТЕЛЬНИЦА.

Не знаю!

СОФЬЯ.

Есть тамъ кто нибудь?

ПОСТЕЛЬНИЦА.

Нѣтъ никого!

СОФЬЯ.

Подай мнѣ тѣлогрѣю.

(*Надѣваетъ тѣлогрѣю и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

(*Изъ другихъ дверей входитъ другая* Постельница)

ПЕРВАЯ (*оглядываясь, вполголоса*)

Ты, Машка, слышала? Сегодня снова
Была съ Царицей перебранка; страсть!

ВТОРАЯ.

Изъ за чего?

ПЕРВАЯ.

Доподлинно не знаю.

ВТОРАЯ.

А началъ кто?

ПЕРВАЯ.

Вѣстимо, какъ всегда,
Царевна Евдокія.

ВТОРАЯ.

Да, зубаста!

ПЕРВАЯ.

Ужъ не полезетъ за̀ словомъ въ карманъ,
Какъ запоетъ, такъ что твой соловей,
Такъ и стрекочетъ. Ну, конечно, къ ней
Пристали и другія. Шумъ такой
Поднялся въ теремѣ, что Боже упаси,
Не знали что и дѣлать, да спасибо
Царевнѣ Аннѣ, та какъ припугнула,
Что приведетъ Царя—и пріутихли,
И разошлись, какъ съ боя индюки.

ВТОРАЯ

Нехорошо, когда въ родной семьѣ
Да заведется мачиха, начнутся
Невольно ссоры, и ужъ тутъ никто
Не разберетъ, кто правъ, кто виноватъ,
А паче всѣхъ отецъ, всегда потянетъ
Онъ сторону жены.

ПЕРВАЯ

Небось съумѣютъ
Онѣ ее поддѣть.

ВТОРАЯ.

Не говори.

ПЕРВАЯ.

Вѣдь много ихъ, а мачиха одна.

ВТОРАЯ.

А все-жъ она царица да жена.
Постой! Никакъ идутъ! шаги мужскіе....
Быть можетъ Царь! Бѣги, бѣги скорѣй!
(*убѣгаютъ*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

(*входитъ* Симеонъ Полоцкій)

СИМЕОНЪ.

Да, не легко ты дѣло просвѣщенья;
И трудно снять невѣжества кору
Наросшую вѣками. Что за люди,
Которымъ здѣсь священныя права
Служителей Господнихъ присвояютъ.
Безграмотны, не знаютъ даже толкомъ
Сказать молитвы, круглые невѣжды!
За то до денегъ алчны, какъ нигдѣ.
Самъ патріархъ, владыка духовенства,
Великій пастырь душъ—и тотъ едва
Наученъ грамотѣ, а въ дѣлѣ книжномъ,
Въ великихъ догмахъ, въ спорахъ вѣковыхъ,
Такъ раздирающихъ Христову церковь,
Не знаетъ ничего—и потому
Конечно насъ не жалуетъ, страшится
Не своего невѣжества, но только
Чтобы его не доказать на дѣлѣ.
Да, при такихъ наставникахъ народъ
Не далеко уйдетъ; и нынѣ въ людяхъ
Умножились и злоба, и лукавство,
И волхвованіе, и пьянство, и разбой,
И, наконецъ, неслыханный расколъ
Не изъ за догмы или таинства, а просто
Изъ за безсмысленныхъ ошибокъ, въ перепискѣ
Невольно вкравшихся. И льется кровь,
И гибнутъ люди только потому,

Что мѐньшіе не могутъ, а большіе
Не знаютъ, да и не хотятъ познать
Великую полезность просвѣщенья.
Но и средь нихъ нашелся человѣкъ,
Который понялъ всю необходимость
Познанья книжнаго, въ великомъ дѣлѣ
Служенья Богу и правленья паствой,
Ввѣряемой ради спасенья душъ.
Великій Никонъ! ты теперь въ опалѣ,
Но не погибнетъ то, что ты призналъ
Необходимымъ, чтобы духовенству
Дать власть великую надъ всѣмъ народомъ,
Которая, по Божьему завѣту,
Принадлежать вездѣ ему должна.
Ты вызвалъ насъ и научилъ Царя
Намъ воспитанье Царскаго семейства
Вполнѣ довѣрить, понимая мудро,
Что просвѣщеніе должно начаться съ нихъ,
Съ главъ коронованныхъ и ужъ отъ нихъ идти
На молодыя силы государства. *(ходитъ)*
Да, великó могущество познанья!
Я, сирота, невѣдавшій отца,
Незнавшій мать, безъ роду, безъ богатства,
Достигъ того, о чемъ не смѣлъ мечтать,
О чемъ боялся даже думать прежде.
Я—духовникъ Великаго Царя,
Владыки столь обширнѣйшаго царства,
И знаю даже помыслы его;
Я Царскаго наслѣдника учитель
И просвѣтитель молодыхъ царевенъ;
Я здѣсь какъ дома. Во дворцѣ царей,
Въ ихъ теремѣ ревниво охраненномъ
Я—властелинъ; все слушаетъ меня,
Все вѣритъ мнѣ и всѣ, мои слова
За истину святую принимаютъ.
И я тружусь, по мѣрѣ силъ и знанья,
Чтобъ пріучить къ разумному труду
И поселить довѣріе къ наукѣ
Въ семействѣ царскомъ, ввѣренномъ моей
И мудрости, и опыту, и знанью.
Мой ученикъ Ѳеодоръ, хоть охотно

Внимаетъ мнѣ, но тихо, понемногу,
Идетъ впередъ; изъ остальныхъ—царевны
Не очень то прилежны къ поученью,
За исключеніемъ Софіи, въ ней—
Великій умъ и страстное стремленье
Къ познанію, къ наукѣ, ко всему,
Что ей невѣдомо, но что желаетъ
Она вполнѣ усвоить и познать.
И молода еще.... О, еслибъ ей
Родится вмѣсто Ѳедора, тогда
Съ ея умомъ, да волею возможно
Достигнуть многаго. *(задумывается)* Но даже, если
На царство вступитъ Ѳедоръ, можетъ быть,
Когда придетъ желанная пора,
Онъ, изъ довѣрія ко мнѣ, предложитъ,
По смерти Іоакима, на престолъ
Великій патріаршій, Симеона,
То есть меня, монаха, и тогда. . . .

(Входитъ **Софья***)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

СОФЬЯ.

Благослови Владыко!

СИМЕОНЪ.

Благословенъ
Господь всегда и присно, и во вѣки.
Здорова-ли?

СОФЬЯ.

Здорова; слава Богу!

СИМЕОНЪ.

Чѣмъ занималася сегодня?

СОФЬЯ.

Да ничѣмъ!
Бродила по́ саду, была у Катерины,
Да съ мамою бранилась цѣлый день.

СИМЕОНЪ.

За что? Иль вѣрно старая княгиня
Немного разнедужилась; ворчитъ?

СОФЬЯ.

Ворчитъ она всегда и безъ причины,
А нынѣ разсердилась на меня.

СИМЕОНЪ.

За дѣло?

СОФЬЯ.

Нѣтъ!

СИМЕОНЪ.

За что же?

СОФЬЯ.

Да не знаю.
За то, что я задумала спросить
Ее о томъ....

СИМЕОНЪ.

О чемъ?

СОФЬЯ *(нерѣшительно)*

Зачѣмъ должны
Мы цѣлый вѣкъ сидѣть, какъ птицы въ клѣткѣ,
Въ постыломъ теремѣ.

СИМЕОНЪ *(всматриваясь)*

Такъ вотъ какъ.... А позволь
Тебя спросить: откуда эти думы
Къ тебѣ пришли? и отъ кого слыхала
Ты эти рѣчи?

СОФЬЯ.

Такъ, сама дошла,
Своимъ умомъ.

СИМЕОНЪ.

И что же отвѣчала
Тебѣ княгиня?

СОФЬЯ.

Тоже, что всегда:

Что такъ оно у насъ заведено,
Такъ быть должно и такъ оно и будетъ.
А почему и кѣмъ заведено
Того она не знаетъ.

СИМЕОНЪ.

Гдѣ же знать
Объ этомъ ей. Не женское то дѣло;
Да ей о томъ и знать не надлежитъ.

СОФЬЯ.

А ты, владыко? Ты вѣдь знаменитъ
Своей ученостью. Скажи, откуда
Такой обычай завелся у насъ?

СИМЕОНЪ.

Да, мнѣ извѣстно. Тотъ обычай древній
Изъ царствъ христіанскихъ лишь у насъ
Однихъ ведется, а въ странахъ заморскихъ
Другой уставъ. Тамъ женщинъ, какъ цыплятъ,
Не запираютъ въ теремъ, и свободно
Онѣ повсюду могутъ тамъ бывать.
Тамъ даже имъ, по праву первородства,
Случалося и царствомъ управлять.

СОФЬЯ.

Давно то было?

СИМЕОНЪ.

Гдѣ, ужъ и давно,
А гдѣ недавно. Въ царствѣ Фараоновъ,
Въ землѣ Египтянъ тамъ давно, давно
Была славна царица Клеопатра;
А вотъ у Агличанъ еще недавно,
И вѣка нѣтъ, какъ были на престолѣ
И царствовали вслѣдъ одна другой
Марія, а за ней Елисавета. (*подумавъ*)
Хотя у насъ, какъ въ древней Византіи,
Не можетъ быть царицы безъ царя,
Но было такъ, и это достовѣрно,
Что, въ сущности, разумная жена,

Родная мать, иль смѣлая сестра
Держали власть привычною рукою.
Вотъ въ царствѣ Греческомъ Пульхерія, она
Отъ Ѳеодосія, отъ брата своего,
Искусно перенявъ бразды правленья,
Со славою и долго управляла
Обширнымъ царствомъ. Было и у насъ
Подобное. Когда, вотъ, напримѣръ,
Былъ Грозный царь Іоаннъ еще ребенкомъ
На царство избранъ, мать его Елена,
Изъ рода Глинскихъ, Русью управляла
И долго власть держала за собой.

СОФЬЯ.

Какъ много знаешь ты. Откуда слышалъ
Ты это все, иль въ книгахъ прочиталъ?

СИМЕОНЪ.

Есть много книгъ. Смиренные монахи
Въ своихъ убогихъ, но уютныхъ кельяхъ,
Писали все, что дѣлалось при нихъ
На бѣломъ свѣтѣ, что порой слыхали
Отъ старцевъ, отъ сторонняго народа
Толпами приходившихъ въ монастырь,
Все заносили въ книгу, гдѣ одинъ
Кончалъ за смертью, тамъ тяжелый трудъ
Ужъ начиналъ другой, и такъ сложились
Сказанья драгоцѣнныя. Изъ нихъ
И я узналъ, что дѣлалось до насъ
На Божьемъ свѣтѣ.

СОФЬЯ.

Отчего же прежде
Не говорилъ объ этомъ ты со мной?

СИМЕОНЪ.

Да такъ! Зачѣмъ тебѣ объ этомъ знать!
А впрочемъ, коль занятнымъ показались
Мои слова, такъ я могу охотно
Тебѣ еще о многомъ разсказать.

СОФЬЯ.

Пожалуста! Я такъ довольна буду.
Начни сейчасъ! Хотя бы до разсвѣта
Ты говорилъ, готова слушать я.

СИМЕОНЪ.

Ужъ и сейчасъ! Успѣешь! Я на дняхъ
Зайду къ тебѣ. А нынче вѣдь поздненько:
Совсѣмъ стемнѣло; время на покой.
Прощай, Царевна!

СОФЬЯ.

Погоди немного!

СЕМЕОНЪ.

Успѣешь, милая; ты слишкомъ горяча.
Нельзя же все узнать въ одну минуту.
Прощай! Да будетъ надъ тобой Господь.
Спи съ миромъ. Отойди ко сну съ молитвой
И слышаннымъ покой свой не смущай. *(уходитъ)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

СОФЬЯ.

Нѣтъ, не заснуть мнѣ долго. Эти рѣчи
Во мнѣ смутили разумъ и покой.
Не всюду же проводятъ въ заперти
Царевны жизнь. Тамъ, у Агличанъ,
Онѣ свободны; даже доставалось
Имъ на престолѣ быть. Да и у насъ
Возможно было въ прошломъ недалекомъ,
За малолѣтствомъ, царствомъ управлять. *(садится)*
Какъ хочется скорѣе мнѣ узнать
О Глинской. Отчего же.... Вѣдь и я,
При помощи совѣтниковъ разумныхъ,
Могла бы править царствомъ. Здѣсь же теремъ
Мнѣ давитъ грудь! Мнѣ тяжело дышать
Въ замкнутой клѣткѣ, шире.... шире.... шире....
Не для тюрьмы на свѣтъ я рождена!

ДѢЙСТВІЕ I.

14/15 Мая 1682 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЦАРЕВНА СОФЬЯ.
БОЯРИНЪ ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ МИЛОСЛАВСКІЙ.
АЛЕКСАНДРЪ МИЛОСЛАВСКІЙ, **ПЕТРЪ**, **ИВАНЪ** — **ТОЛСТЫЕ** — стольники, родственники Милославскаго
ИВАНЪ ЦЫКЛЕРЪ, **ИВАНЪ ОЗЕРОВЪ** — стрѣлецкіе подполковники.
РОДИМИЦА—украинская казачка.
НИКИТКА—шутъ.
ВѢРА ВАСЮТИНСКАЯ, **АВДОТЬЯ ГРИГОРЬЕВА**, **УЛЬЯНА КОЛУЖКИНА** — постельницы Софьи.
ДВОРЕЦКІЙ боярина Милославскаго.
БЕЗМѢСТНЫЙ ПОПЪ.
ВОЛЧИХА—жена цѣловальника.
ОФЕМЬЯ—стрѣльчиха.
ТУМА—стрѣлецъ.
СТРѢЛЬЦЫ РАЗНЫХЪ ПОЛКОВЪ.

СЦЕНА I-я.

Теремъ Царевны Софьи въ Кремлѣ. Вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Постельницы Софьи: **Вѣра Васютинская, Авдотья Григорьева и Ульяна Колужкина**).

ВѢРА.

Слыхали, дѣвушки? Неладно сильно
Промежъ стрѣльцовъ по слободамъ творится;
Опять буянятъ!

АВДОТЬЯ.

Утромъ я вчера
Къ Родимицѣ ходила, такъ повѣришь,
Едва отъ страху ноги унесла;
Такое буйство! пьяные стрѣльцы
Толпами съ пѣснями да съ крикомъ бродятъ
И все грозятъ кровавымъ правежемъ.

УЛЬЯНА.

Кому?

АВДОТЬЯ.

О томъ не трудно догадаться.

ВѢРА.

Царицыной породѣ. Не уйти
Имъ отъ бѣды. Хотя большой бояринъ *)
И возвратился вновь въ Москву, а все же
Спокойнѣе не стало, даже хуже
Пошли стрѣльцы буянить да мутить.

УЛЬЯНА.

Спаси Господь насъ грѣшныхъ и помилуй!
Какъ вздумаютъ добраться до Кремля,
Тогда и намъ достанется пожалуй.

ВѢРА.

Чего боишься? Насъ никто не тронетъ!
Въ Царевнины хоромы не посмѣютъ
Ступить ногою. Съ роду не бывало
Чтобъ въ тихой теремъ царскій кто рѣшился
Придти незванный, коли не постыло
Ему на свѣтѣ бѣломъ проживать.

АВДОТЬЯ.

А если и найдутся лиходѣи,
Которые осмѣлятся ворваться
Въ Царевнинъ теремъ, такъ она сама

---

*) Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, возвращенный изъ ссылки за четыре дня до стрѣлецкаго мятежа.

Получше стражи всяческой съумѣетъ
Остановить безумныхъ и заставитъ
Ихъ удалиться со стыдомъ назадъ.

УЛЬЯНА.

Дивлюся я на матушку царевну,
Обильна разумомъ, сладка и рѣчью;
Не женскій духъ въ нее Господь вселилъ.

ВѢРА.

Что говорить! Ума у ней палата;
И словно создалъ самъ Господь ее
На то, чтобъ быть надъ всѣми старшой.

АВДОТЬЯ.

Съ нами
Всегда добра да ласкова, а все же
Ее боишься какъ то, только взглянетъ
Когда съ укоромъ, жутко станетъ разомъ
Отъ взгляда строгаго и вся невольно
Вдругъ задрожишь.

УЛЬЯНА.

За то, когда довольна,
Такъ лучше всѣхъ подарковъ наградить
Съумѣетъ словомъ ласковымъ да взглядомъ.

АВДОТЬЯ.

Не позабудетъ и подаркомъ.

ВѢРА.

Иногда
Хоть ничего не подаритъ, да лаской
Согрѣетъ сердце больше, чѣмъ казной.
Я за нее готова все отдать!

УЛЬЯНА.

И я!

АВДОТЬЯ.

И я! хоть съ жизнію разстаться!

ВѢРА.

Тсс... не кричите! Кто то къ намъ идетъ.
Уйдемте; время къ ужину сбираться.

А то опять какъ станетъ ворковать
Ворона старая, такъ лучше вовсе
Безъ ужина ложиться спать, чѣмъ слушать
Ее попреки вѣчные да брань. (*Входитъ* Родимица)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

РОДИМИЦА. *)

Совсѣмъ замучилась! день цѣлый на пролетъ
По слободамъ стрѣлецкимъ походила;
За то не даромъ! все, кажись, готово,
И примутся за дѣло горячо. (*входитъ* шутъ)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

РОДИМИЦА.

Здорово, скоморохъ!

ШУТЪ.

Здорово, тетка!
Довольно-ль землянички собрала,
Какъ по́ лѣсу ходячему бродила?

РОДИМИЦА.

Что собрала, разсыпала доро́гой,
Пусть подберутъ другіе. Завтра сокъ
Изъ ягодъ выжмутъ, а ужъ тамъ Царевна
Укажетъ изъ чего намъ медъ варить.

ШУТЪ.

Сокъ изъ голубицы, сродниковъ Царицы,
Изъ дьяковъ приказныхъ, что кореньевъ разныхъ,
Изъ головъ боярскихъ стараго дурману,
Изъ подваловъ крѣпкихъ денегъ для дувану,
Черпать не ковшами, черпать бердышами,
Да мѣшать побольше, да мутить подольше,
Станетъ подниматься, станетъ разливаться,
По цѣнѣ кровавой станетъ продаваться.

---

*) Украинская казачка, наперсница Софьи, выданная ею впослѣдствіи замужъ за стрѣлецкаго полковника

РОДИМИЦА.

Ты былъ сегодня тамъ?

ШУТЪ.

У Милославскихъ?
Бывалъ! Хотя боярина не видѣлъ,
Но видѣлъ Чермнаго да съ нимъ Петра Толстаго;
У нихъ готово все; а сорванцовъ
По слободамъ поднять труда не стоитъ,
Давно ужъ ждутъ; ты вѣдаешь сама,
Наказывалъ Толстой придти опять,
Когда совсѣмъ стѣмнѣетъ, говоритъ,
Что я сегодня къ дѣлу пригожуся.
А ты была?

РОДИМИЦА.

Была и принесла
Къ Царевнѣ вѣсти важныя. Отсюда
Пойдемъ-ка вмѣстѣ къ Милославскимъ; тамъ
Найдутъ для насъ работу; потрудимся..

ШУТЪ.

И матушкѣ Царевнѣ пригодимся.

РОДИМИЦА.

Ты о Царевнѣ ни гу-гу! Такъ, къ слову,
Лишь мимоходомъ въ рѣчи вспомяни,
Да и замажь опять; такое слово
Засядетъ крѣпче въ головы и скоро
Такъ разростется—не узнаешь самъ,
Что отъ тебя пошли людскія рѣчи.

ШУТЪ.

Ты не учи, сама лишь хлопочи!
А я слова умѣю подбирать
И знаю ими такъ играть какъ баба,
Когда ей отвѣчать предъ мужемъ надо.

РОДИМИЦА.

Никакъ идетъ Царевна? Ты уйди!
Мнѣ приказалъ бояринъ доложить
Ей съ глазу на́ глазъ кое что.

ШУТЪ.

Пожалуй
Я и уйду. Коль надо, позовите;
Я буду недалеко. Можетъ быть
Понадоблюсь Царевнѣ.
(*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

РОДИМИЦА.

Хорошо!
А ловокъ же! И такъ словами сыплетъ,
Какъ бисеръ съ нитки.
(*входитъ* Софья)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

РОДИМИЦА.

Матушка Царевна
Какъ отдохнуть изволила?

СОФЬЯ.

Спасибо!
Я жду тебя давно. Какія вѣсти
Ты нынѣ мнѣ съ собою принесла?

РОДИМИЦА.

Хорошія Царевна. Хороши
Ужъ тѣмъ однимъ, что завтра ты сама
Увидишь все, что сбудется, а дальше,
Не черезъ насъ твоихъ покорныхъ слугъ,
И не тайкомъ, а громко, всенародно,
Приступишь къ дѣлу правому, заставишь
Избрать царя законнаго и станешь,
Въ царево мѣсто, царствомъ управлять.

СОФЬЯ.

Готово все?

РОДИМИЦА.

Готово! Нынѣ въ ночь
Сойдутся слуги вѣрные твои

У нашего боярина, и тамъ
Ужъ разберутъ кому за что приняться.
Съ разсвѣтомъ же.... (*подходитъ ближе*) Велѣлъ сказать бояринъ,
Что если ты услышишь звонъ, набатъ,
Да крики буйные, то не смущайся
И знай, что крикъ тотъ страшенъ не для васъ,
Царевенъ нашихъ, но что страшенъ только
Онъ для враговъ твоихъ, которымъ время
За ихъ дѣла безбожныя отвѣтить
И мѣсто дать приверженцамъ твоимъ.

СОФЬЯ.

Съ разсвѣтомъ... завтра! Кто же изъ враговъ
Обрѣчены на смерть?

РОДИМИЦА.

О томъ бояринъ
Велѣлъ тебѣ сказать, что онъ не хочетъ
Смущать покой твой перечнемъ именъ
Твоихъ враговъ, которые на утро
Должны разстаться съ жизнью. Знаетъ самъ
О томъ бояринъ; вѣдаютъ и люди,
Которые съумѣютъ ихъ найти
И передать на правый судъ народный.
А ты, царевна, не смущай себя,
Ты не причастна въ томъ, что этотъ судъ
Рѣшитъ по правдѣ, сотворивши тутъ же
Кровавую расправу надъ врагами.

СОФЬЯ.

А много ихъ?

РОДИМИЦА.

Не знаю, не считала;
Да и сказать нельзя. Какъ разойдутся,
Такъ не удержишь скоро. Можетъ быть
Кто ускользнетъ, а кто и ненарокомъ
Вдругъ подвернется; послѣ перечтутъ.
Вотъ почему велѣлъ сказать бояринъ,
Чтобъ ты была готова; завтра, рано,
Пріѣдетъ онъ къ тебѣ, тогда укажетъ,

Что нужно будетъ; а теперь
Просилъ тебя заснуть, да постараться
На утро бодрой быть, не растеряться,
Не упустить, что въ руки поплыветъ.

СОФЬЯ.

Ты здѣсь одна?

РОДИМИЦА.

Со мною шутъ Никитка.

СОФЬЯ.

А гдѣ же онъ?

РОДИМИЦА. *(подходитъ къ двери и кличетъ шута)*

Ужо, сейчасъ придетъ.
Ему работы нынѣшнею ночью
Достанется довольно. Въ слободахъ
Его ужъ дѣло подзадорить ловко,
Давно готовыхъ къ бою молодцовъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

(входитъ) ШУТЪ.

Что, Государыня, изволишь приказать
Ты своему слугѣ шуту Никиткѣ?

СОФЬЯ.

А ты все веселъ. На тебя ничто,
Ни даже кровь подѣйствовать не можетъ?

ШУТЪ.

Кровь, Государыня, та же вода,
Только что красная: много не стоитъ;
Кабы толковѣй ее выпускали,
Можетъ и люди умнѣе бы стали.

СОФЬЯ *(къ Родимицѣ)*

Отсюда ты куда?

РОДИМИЦА.

Отсюда прямо
Пойдемъ къ боярину и будемъ ждать,
Что приказать изволитъ

СОФЬЯ.

Передай же
Боярину, что я вмѣсто отца
Его всегда считала и ввѣряюсь
Во всемъ его совѣту; буду ждать
Его я завтра во́ время и стану
Я дѣлать все, что онъ считаетъ нужнымъ,
Чтобы достигнуть замысловъ своихъ.
Скажи ему, что стану я молиться,
Чтобы Господь простилъ намъ тяжкій грѣхъ
Невольнаго убійства, чтобы правда
Исконная надъ Русью воцарилась,
И чтобъ возможно меньше обагрилась
Родной Москвы, родимая земля.

ШУТЪ.

Заснешь—царевной, проснешься орлицей,
Могучей, державной, московской царицей!
(Родимица и шутъ *уходятъ*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

СОФЬЯ.

Такъ скоро.... завтра! Страшно и подумать,
Чѣмъ можетъ кончиться, когда народъ,
Какъ бурная рѣка, прорветъ плотину
И въ ярости безумной уничтожитъ
Все, что ни встрѣтитъ на своемъ пути.
Съумѣютъ ли они остановить
Порывъ народной ярости и снова
Его на путь обычный возвратить.
Управятся-ли? (*задумывается*) Ну, а если нѣтъ!...
Такъ я одна управиться съумѣю

И царскій духъ въ себѣ имъ докажу.
Народъ Москвы, хотя народъ крамольный,
Хотя онъ часто дружно возставалъ,
Когда ужъ очень круто приходилось
Ему отъ разныхъ ненасытныхъ рукъ;
Но никогда еще до сей поры
Онъ не дерзалъ включать въ свою расправу
Свой царскій родъ. Державныя права
Своихъ владыкъ онъ зорко охраняетъ,
И онъ пойметъ меня, и покорится,
Передъ моею твердостью смирится,
И изберетъ законнаго Царя.

СЦЕНА 2-я.

Комната въ домѣ боярина Ивана Михайловича Милославскаго. Ночь.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

МИЛОСЛАВСКІЙ (*Сидитъ у стола и просматриваетъ списокъ*)

Теперь готово все! А я ужъ думалъ,
Что Артамонъ избегнетъ нашихъ рукъ.

ПЕТРЪ ТОЛСТОЙ.

Какъ принимали-то; въ былое время
Однимъ царямъ такой бывалъ почетъ.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Почетъ и мы дадимъ ему за это:
Не даромъ первымъ въ спискѣ онъ стоитъ. (*смотритъ въ списокъ*)
Довольно ихъ! Нарышкиныхъ порода
Вся цѣликомъ прописана. Постой....
А вѣдь еще забыли приписать
Ивана Ѳомича, онъ парень ловкій
И можетъ быть опасенъ намъ потомъ.

ПЕТРЪ ТОЛСТОЙ.

Пиши иль нѣтъ, а вѣдомо стрѣльцамъ,
Что всю семью Нарышкиныхъ, какъ есть,
Въ конецъ известь; а главное Ивана,
Боярина съ козлиной бородой.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

И что за время нынече настало!
Молокососа, дерзкаго щенка,
Въ боярскій санъ почетный, величавый,
Вдругъ возвели и дали управлять
Надъ нами всѣми, вѣрными слугами
Почившаго во Господѣ Царя.
Бояринъ Ванька! Онъ еще ходить,
Какъ подобаетъ намъ, ненаучился,
Какъ молодой теленокъ все въ припрыжку,
Да какъ козелъ все скачетъ и юлитъ,
А тоже санъ боярскій, вишь, имѣетъ.
Сравняться съ нами вздумалъ; погоди!
Давно ль твоя сестра въ лаптяхъ ходила,
А нынче стала матерью Царя,
Такъ, думаешь, что нѣтъ на васъ расправы.
Почуешь, другъ! (*входитъ дворецкій*) Подай-ка намъ медку!

ДВОРЕЦКІЙ.

Родимицѣ, да и шуту Никиткѣ
Прикажешь ждать, аль можно на покой?

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Пусть подождутъ!
(*дворецкій уходитъ*).
(*входятъ:* Александръ Милославскій и Иванъ Толстой *въ шубахъ и шапкахъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

АЛЕКСАНДРЪ МИЛОСЛАВСКІЙ (*не своимъ голосомъ*)

Здоровы-ли?

МИЛОСЛАВСКІЙ (*гнѣвно поднимаясь*)

Ты здѣсь! (*всматривается*) Тьфу, напужалъ!
Мнѣ показалось: будто Ванька вздумалъ
Ко мнѣ пожаловать.

ИВАНЪ ТОЛСТОЙ.

А вѣдь похожъ?
Да какъ отлично вышло.

АЛЕКСАНДРЪ МИЛОСЛАВСКІЙ.

Знаешь, я
Ловлю стрѣльцовъ, встрѣчая по дорогѣ,
И бью ихъ крѣпко, а Иванъ Андреичъ
Знай приговариваетъ: отпусти бояринъ
Иванъ Кириловичъ; довольно, будетъ!
А я то пуще. Погоди, кричу,
Не то еще васъ завтра ожидаетъ!
Всѣхъ перевѣшу! Ревъ такой поднялся,
Что слышно за̀ версту. Ужъ стали всюду
Толпы стрѣльцовъ сбираться, ну, а мы
Другимъ путемъ заѣхали къ себѣ,
Перемѣнили сани, да степенно
Къ тебѣ пожаловали

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Ну, снимай доспѣхи!
Садись къ столу, да выкушай медку. (*къ Ив. Толстому*).
Иванъ Андреичъ, кушай на здоровье!
Не обезсудь! (*къ Петру Толстому*) И ты не отставай!
(*входитъ Дворецкій*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ДВОРЕЦКІЙ.

Стрѣльцы пришли.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Такъ позови сюда!

(*Входятъ: Подполковники* Цыклеръ, Озеровъ *и стрѣльцы* Иванъ Гладкій, Обросимъ Петровъ, *и* Кузьма Чермный.

МИЛОСЛАВСКІЙ (*къ подполковникамъ*)

Прошу покорно! Сядьте здѣсь къ столу,
Да осушите кубки на здоровье! (*къ стрѣльцамъ*)
А вы, ребята, встаньте къ уголку,
Да чтобы васъ ко сну-то не клонило, (*къ дворецкому*).
Такъ принеси имъ добрый жбанъ медку,

Да ковшикъ дай! (*дворецкій уходитъ*) Промачивайте глотку,
Чтобъ къ утру не охрипла невзначай.

(*Дворецкій приноситъ жбанъ меду съ ковшомъ, ставитъ предъ стрѣльцами на окнѣ и уходитъ. Стрѣльцы кланяются и пьютъ.*

МИЛОСЛАВСКІЙ (*къ подполковникамъ*)

Ну, все, кажись, готово! Какъ у васъ?

ЦЫКЛЕРЪ.

У насъ, бояринъ, все кипитъ давно
И сдерживать ужъ больше невозможно.

ОЗЕРОВЪ.

Того гляди, что какъ нибудь прорвутся,
Тогда не остановишь ужъ ничѣмъ;
Пойдетъ потѣха!

МИЛОСЛАВСКІЙ (*къ стрѣльцамъ*)

Черезъ часъ, къ разсвѣту,
Вы понагнать старайтесь въ кабаки
Стрѣльцовъ побольше. Не жалѣйте денегъ,
Поите всѣхъ, да умными рѣчами
Съумѣйте всѣхъ стрѣльцовъ одушевить
На дѣло важное, на лютую расправу
Съ измѣнниками нашего Царя,
Законнаго наслѣдника престола.
Когда услышите на Троицкой набатъ,
Валите въ Кремль, да захватите пушки
И съ Богомъ начинайте вашъ правежъ.
Вотъ вамъ пока! (*вынимаетъ кошелекъ съ деньгами. Черный подходитъ, цѣлуетъ у него руку и беретъ деньги*)
Потомъ прибавятъ больше,
За службу Царь съумѣетъ наградить.
(*Стрѣльцы уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МИЛОСЛАВСКІЙ (*къ подполковникамъ*)

Вы, храбрые и вѣрные друзья,
Когда стрѣльцы сберутся ко дворцу,
Старайтесь тотчасъ всѣ въ Кремлѣ ворота,

Какъ крѣпкою стѣною, оградить
И не пускайте чернаго народа,
Который любитъ всюду поглазѣть
На зрѣлище безплатное. Довольно
Въ Кремлѣ лишь вѣрнымъ быть стрѣльцамъ. Еще...
Вы припишите-ка... тамъ... въ вашемъ спискѣ...
Къ нарышкиной породѣ... упустили...
Мы стольника Ивана Ѳомича.

ЦЫКЛЕРЪ.

Зачѣмъ писать! И такъ давно ужъ знаемъ,
Что всю породу эту извѣсти
Намъ нужно завтра же.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Да такъ, на случай,
Чтобъ въ торопяхъ не позабыть кого.

ОЗЕРОВЪ.

Не позабудемъ! Положись, бояринъ,
На нашу память.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Вѣрному слугѣ
И отъ Царя великая награда
За службу будетъ. Съ Богомъ! Въ добрый часъ!
А посошокъ въ дорогу позабыли?
(*Подполковники выпиваютъ кубки, кланяются и уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Ты Алексаша, да Иванъ Андреичъ,
Чуть только станетъ брезжиться заря,
Валяйте въ слободы, кричите громче,
Что, молъ, Нарышкины сегодня въ ночь
Царевича Ивана задушили.
Велите бить въ набатъ; сзывайте въ Кремль,
И пріѣзжайте слѣдомъ ко дворцу.
Я буду тамъ. А нынче отдохните.

АЛЕКСАНДРЪ МИЛОСЛАВСКІЙ.

Мы спать не будемъ; прикажи-ка намъ
Подать медку, да если здѣсь Никитка,
Такъ разрѣши позвать его сюда;
Онъ дремоту сгонять умѣетъ ловко
И скоротаетъ время какъ нибудь.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Никиткѣ время въ слободахъ работать,
Онъ тамъ нужнѣй; а вы и безъ него
Здѣсь обойдетесь. Ну, пойду и я;
Предъ Господомъ обычную молитву
И нынѣ мнѣ потребно совершить.
Прощайте дѣти! (*цѣлуетъ ихъ и уходитъ*)

ТОЛСТЫЕ.

Будь здоровъ, бояринъ!

СЦЕНА 3-я.

Царскій кабакъ въ стрѣлецкой слободѣ. Разсвѣтъ. Слышенъ стукъ въ дверь.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЛЧИХА (*выходя изъ за печки*)

Ишь, проклятые! Ни свѣтъ ни заря, а они ужъ опять лѣзутъ! (*стукъ*) Успѣете! Дайте хоть волосникъ то повязать! (*стукъ и крики: отворяй, тетка, а не то отсюда поможемъ! Живо!*) Иду, иду! (*отворяетъ дверь, входятъ шесть человѣкъ стрѣльцовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПЕРВЫЙ.

Здорово, тетка! Аль не выспалась? Ишь какая сердитая.

ВОЛЧИХА.

Когда отъ васъ покой будетъ? Съ вечера намаешься, а къ утру, еще солнышко не покажется, а ужъ вы опять лѣзете.

ВТОРОЙ.

Давай вина! На вотъ тебѣ, получай! За свои деньги всякій у тебя хозяинъ. (*Волчиха приноситъ вино*).

ПЕРВЫЙ.

Приспѣло и наше время. Знатно поработали! Досталось полковничкамъ, да и другихъ не забыли. Выпьемъ за ихъ здоровье, братцы! Чай не скоро шкура сростется; исполосовали!

ВТОРОЙ.

Мало денегъ съ нихъ взяли; вотъ что! Грабили они насъ десятками лѣтъ, а тутъ небось пожалѣли. Чай на половину спустили съ того, что межъ нами уговорено было. Вотъ ужъ и нѣтъ ничего.

ТРЕТІЙ.

Погоди, какъ заживетъ опять потребуемъ. Не уйдутъ!
(*входятъ еще три стрѣльца*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

1-ый

А, ребята, вы ужъ съ утра за работой. Похвально! Труды то ваши тяжкіе. Не помочь-ли?

ПЕРВЫЙ.

Для-че не помочь. Садись! Отколѣ путь держите? Мимоходомъ что-ли забрели?

2-ой

Домой бредемъ! Вчера у малиновыхъ чертей, у Перхуровцевъ, такую выпивку учинили, что и ночевать остались. Не только ногъ— и головы не чуяли, есть ли на плечахъ, али нѣтъ.

3-ій

Теперь ихъ опять зачѣмъ то къ кабаку скликаютъ, а мы домой побрели. Эй, Волчиха, подавай вина! Голова трещитъ, словно расклепалась совсѣмъ. (*Волчиха подаетъ вино; всѣ садятся*).

2-ой

Недобрыя вѣсти вечоръ наслышались. Говорятъ, — старый

волкъ Юрьичъ [1]) зубы показать хочетъ. Розыскъ учинить собираются; главныхъ заводчиковъ казнятъ, а прочихъ въ дальніе города сошлютъ; пуще всего на васъ, Астраханцевъ, злятся. Больно ужъ вы имъ солоно пришлись.

ПЕРВЫЙ

Пущай злятся! Языкъ длиненъ, да руки коротки. Кого они противъ насъ поведутъ? Сами то немного сдѣлаютъ, а вѣдь насъ вонъ сколько! Какъ встанемъ всѣ за одно—никто насъ не одолѣетъ.

(входятъ еще нѣсколько стрѣльцовъ, за ними безмѣстный попъ. [2])

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ.

Стой, братцы! На дневку пришли! Приведетъ Богъ, такъ и заночуемъ тутъ же. Волчиха! Подноси что-ли! Аль не замѣтила?

ВОЛЧИХА.

Какъ тебя, окаяннаго, не замѣтить: изъ кабака не лѣзешь.

ТОТЪ-ЖЕ.

Такъ чего-жъ ты ротъ-то разинула? Подноси! *(бросаетъ ей деньги. Волчиха подаетъ вино).*

ВОЛЧИХА.

Пей, луженая утроба! Вонъ, говорятъ, и до васъ добираются. Не миновать тебѣ висѣлицы, заводчику.

ТОТЪ-ЖЕ.

Кто жъ бы это добираться могъ?

---

1) Бояринъ Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій начальникъ Стрѣлецкаго приказа.

2) Такъ назывались попы, лишенные своихъ мѣстъ, но не сана, за неграмотность или пороки. Въ одной Москвѣ число ихъ было довольно значительно. Обычнымъ мѣстомъ ихъ сборища были Спасскіе ворота въ Кремлѣ, гдѣ, за ничтожную цѣну, они служили панахиды и молебны или, для той же цѣли, приглашались и на домъ.

2-ой

Бояре, говорятъ. Нарышкинское семя, да Матвѣевъ съ нашей бочкой Юрьичемъ.

ТОТЪ-ЖЕ.

А Матвѣевъ отколѣ взялся? Аль воротили?

ТРЕТІЙ.

Еще-бы! Своими глазами видѣлъ. И царей такъ не встрѣчаютъ, какъ его встрѣтили. Говорятъ—и отъ насъ хлѣбъ соль подносили.

СТРѢЛЕЦЪ ТУМА.

А и вернулся такъ не много подѣлаетъ. За насъ Царевна стоитъ; заступница!

(*Входитъ шутъ* Никитка *съ двумя стрѣльчихами*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ГОЛОСА.

А вотъ и Никита Бояновичъ съ козами пришелъ. Здорово Никита! Здорово косой! Давно тебя ждемъ! Милости просимъ! Повесели!

ШУТЪ.

Честному народу наше нижайшее, отъ кабака ближайшее! Всѣмъ головамъ кабацкимъ, сотникамъ, пятисотскимъ, пьяницамъ, скляницамъ и тебѣ, мать-Волчиха, поклонъ! Много ли посуды опорожнили, родимые?

ПЕРВЫЙ.

Довольно! Присядь Никитушка, потолкуемъ. Безъ тебя и разгулу нѣтъ.

ШУТЪ (*къ Волчихѣ*)

Дурману не нужно ли тетушка? Коли у тебя весь вышелъ—свѣженькаго подпущу, самаго забористаго.

ВОЛЧИХА.

Здорово Никитушка, здорово! Не нужно мнѣ твоего дурмана.

ШУТЪ (*садится*)

Дай-ка, мать-Волчиха, молочка для старичка. (*къ стрѣльчихамъ*) А вы чтожъ, разлапушки? Садитесь, пока ноги держатъ, да голова не перевѣшиваетъ.

ПЕРВЫЙ.

Откуда ты ихъ привелъ?

ШУТЪ.

Съ улицы, братъ. Онѣ вѣдь у васъ убогія, босоногія, а тоже пить хотятъ.

ВТОРОЙ.

Откуда тебя-то самого принесло? Вѣстей не захватилъ-ли?

ШУТЪ.

Есть, голова, вѣсти пудовъ въ двѣсти, да все вѣсти недобрыя.

ПЕРВЫЙ.

А что? Здорово ли Царевна, наша кормилица?

ШУТЪ.

Здорова-то, здорова. Да ужъ больно страху натерпѣлась. Чуть самой не досталось!

ВТОРОЙ.

Выпьемъ за ея здоровье, ребята! Подай ей Богъ! Вотъ такъ! (*выпиваетъ залпомъ*).

ШУТЪ.

Стой! Борода-то у тебя густая, а голова пустая. Нешто за ея Государское здоровье такъ пьютъ? Эй, Волчиха! Давай ведро! Бери, братцы, разбирай посудину! Наливай! Готово, что-ли? (*Волчиха, при помощи стрѣльцовъ, приноситъ ведро, стрѣльцы разбираютъ посуду и толпятся около ведра*).

ГОЛОСА.

Готово, готово!

ШУТЪ *(встаетъ, подходитъ къ ведру, и зачерпнувъ вина).*

За матушку-царевну, Софью Алексѣевну! За ея государское здоровье! Подай ей Богъ всякаго благополучія за ея милосердіе, что нашего брата не забываетъ, во всякой бѣдѣ помогаетъ. Любо-ли?

ГОЛОСА.

Любо, любо! Давай Богъ!

(пока стрѣльцы толпятся около ведра, шутъ съ Тумой отходятъ въ сторону).

ТУМА *(вполголоса)*

Ну чтожъ? Скоро ли за дѣло приниматься велятъ?

ШУТЪ.

Сегодня.

ТУМА.

Когда же?

ШУТЪ.

Ступай на Троицкую колокольню. Какъ завидишь конныхъ Милославскаго да Петра Толстаго, такъ и валяй въ набатъ! А ужъ я ихъ тутъ науськаю. Какъ по маслу пойдетъ.

(Тума *незамѣтно уходитъ).*

ПЕРВЫЙ.

Чтожъ они, проклятые, съ Царевной сдѣлали? Говори!

ШУТЪ.

Вотъ какое дѣло было, страшное дѣло! Ужъ какихъ какихъ штукъ не творилъ этотъ собачій сынъ Ванька Нарышкинъ, а вотъ еще что выдумалъ:—царскій вѣнецъ на себя наложилъ.

ГОЛОСА.

Ахъ онъ поганецъ! Царскій вѣнецъ! Да какъ это у него голова еще не отвалилась!

ШУТЪ.

Да это еще что! Въ царскую одежу облачился и на тронъ государевъ сѣлъ. Никому, говоритъ, такъ вѣнецъ не присталъ, какъ мнѣ. (*выраженіе общаго негодованія*) Тутъ же и царевичъ Иванъ былъ, котораго престоломъ обошли Нарышкинцы, и матушка-Царевна. Стала это она его попрекать, а онъ, татаринъ, кинулся на Царевича, да и ну его душить. Досталось и Царевнѣ; насилу отбили поганца.

ГОЛОСА.

Ахъ онъ душегубъ окаянный! На колъ его! На висѣлицу! И съ породой то всѣй!

ШУТЪ.

Стой! Не горлань да не лай, а пей да на усъ мотай! Придетъ время, все припомнимъ! Не миновать ему стрѣлецкой расправы. Эй, Волчиха, давай еще! За Царевича здоровье пить будемъ. Надо бы ему Царемъ быть, да и будетъ, когда время придетъ.

(*приносятъ другое ведро и пьютъ*).

ШУТЪ (*къ попу*)

Тебя, честной отецъ, какимъ вѣтромъ занесло? Ишь чутье-то у тебя какое тонкое.

ПОПЪ.

У меня, братъ, здѣсь мѣсто нагрѣтое; часто бываю.

ШУТЪ.

Что видно надоѣло у Спаса торчать? Много тамъ вашего брата нынѣ развелось, оттого и дѣло перевелось. Какъ мертваго поминать пойдешь, такъ на одного мертваго десятокъ вашего брата за алтынъ наймешь.

ПОПЪ.

Много-то много! Это ты правду молвишь. Совсѣмъ работы нѣтъ. Чтобы вамъ, храбрые вои, хоть правежъ какой учинить.

ПЕРВЫЙ.

А тебѣ зачѣмъ?

ПОПЪ.

По крайности хоть панаѳидки потребовались бы али молебны. Ну и перепала бы малая толика. А то совсѣмъ народъ отъ рукъ отбился, и въ Бога не вѣруетъ.

ШУТЪ.

Да ты по какимъ книгамъ, по старымъ аль по справленнымъ панаѳидки-то служишь?

ПОПЪ.

Я, братъ, ни по какимъ, а по памяти. Съ малолѣтства былъ при этомъ дѣлѣ—и пріобыкъ, и выучилъ. А въ грамотѣ я не гораздъ, едва бреду. Гдѣ, гдѣ слово разберу. Мудрена она грамота-то.

ПЕРВЫЙ.

Что, братцы, сидѣть; ноги чешутся! Валяй Никита Ивановичъ, потревожь балалаицу-то!

ГОЛОСА.

Валяй Никита! Начинай! Да съ пѣснею! Важно! Ухъ!

ШУТЪ.

Становись въ кругъ! Эй ты, Офемья, поднимай руки, становись противъ! Съ тобой ходчѣе!

ОФЕМЬЯ.

И одинъ начнешь; ишь тѣсно какъ!

ШУТЪ.

Говорятъ—становись; а не то, знаешь, такъ свистну—собакою залаешь! Ну, вотъ такъ! Раздайся ребята! Эхъ, баба, баба! Безъ грозы хуже козы! Ну, подтягивай!

ШУТЪ (*наигрываетъ на балалайкѣ и поетъ*)

Ходи баба, ходи два,
Ходи ягода моя!

ОФЕМЬЯ (*поетъ*)

Ходитъ баба, хожу я
И головушка моя!

ШУТЪ.

Слушай баба, коль пришлось,
Съ чего дѣло началось.

ОФЕМЬЯ.

А съ чего-бъ ни началось,
Лишь бы ладно обошлось.

ШУТЪ (*къ толпѣ*)

Сказывать, что-ли?

ГОЛОСА.

Сказывай, сказывай!

ШУТЪ.

Какъ Ярыжка да Нарышка
Вздумалъ Царствомъ управлять.

ОФЕМЬЯ.

А стрѣльцы-то не допустятъ,
Его вóзьмутъ да казнятъ.

ШУТЪ.

А царица разозлится
И стрѣльцовъ всѣхъ изведетъ.

ОФЕМЬЯ.

А царевна не допуститъ
И въ отвѣтъ за нихъ пойдетъ

ШУТЪ и ОФЕМЬЯ (*вмѣстѣ*)

Ахъ стрѣльцы, стрѣльцы, стрѣльцы,
Астраханцы—молодцы,
За царевну всѣ горой,
Не хотятъ царицы злой!

ШУТЪ.

Ну ходи, разговаривай! Живо! Эхъ вы!
Ходи баба ходенемъ,
Ходи ночью, ходи днемъ,
Ходи домъ, ходи дворъ,
Ходи вся слобода!

(*Начинается общая пляска. Въ это время раздается звукъ набата Въ кабакъ вбѣгаетъ толпа стрѣльцовъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ГОЛОСА.

Въ Кремль ребята! Живо! Нарышкины Царевича задушили! Изъ дворца послы прискакали! Живо!

ТОЛПА.

Въ Кремль, въ Кремль! Смерть Нарышкинымъ! Смерть!
(*всѣ убѣгаютъ за исключеніемъ шута и попа. Въ суматохѣ одинъ изъ стрѣльцовъ хватаетъ штофъ, Волчиха бѣжитъ за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ШУТЪ.

Куда, тетка! Постой! За однимъ погонишься, всѣ разстаскаютъ.

ВОЛЧИХА (*возвращаясь*)

Ахъ онъ окаянный, мошенникъ эдакой!

ШУТЪ.

Ну, пошла потѣха! (*къ попу*) А ты, отче, чего зазѣвался? Ступай, перепадетъ нынче и тебѣ.

ПОПЪ.

Рано еще, родимый. Мое дѣло къ вечеру понадобится. (*къ Волчихѣ*) Матушка-Волчиха отпусти въ долгъ. Завтра, вѣрно, деньги принесу.

ВОЛЧИХА

Когда принесешь, тогда и спрашивай! Ступай, пока ноги держатъ!

ПОПЪ.

Эхъ ты, черствая душа! (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ШУТЪ.

Ну, Кирилычъ! Ты у меня клокъ волосъ изъ бороды вырвалъ, а теперь твоя вся цѣла останется:—вмѣстѣ съ головой отвалится.

КОНЕЦЪ I-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ II.

31 Мая 1682 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЦАРЕВНА СОФЬЯ.
БОЯРИНЪ ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ МИЛОСЛАВСКІЙ.
КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОЛИЦИНЪ.
ІОАКИМЪ—патріархъ.
ФЕДОРЪ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ ШАКЛОВИТЫЙ—думный дѣлкъ.

Митрополиты, архіереи со всѣмъ священнымъ соборомъ, бояре, думные люди, дьяки и пр.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Благодаренье Господу! Опять
Для насъ пришла минувшая пора,
И родъ почившей праведной царицы
Маріи Ильичны *) беретъ свои права
Въ лицѣ Царевны Софьи. Подивился
Невольно я ея не женской волѣ,
Напомнившей усопшаго царя
И самодержца Руси Алексѣя.
Когда поднялись грозные стрѣльцы
И ворвалися пьяною толпою,
Какъ стадо псовъ, въ кремлевскія палаты,
Въ исконное жилищѣ государей,
Когда предъ ними жалкая порода
Приверженцевъ царицы разбѣжалась
И пряталась, какъ дѣти, по постелямъ
Да тайникамъ,—одна царевна Софья
Не потеряла головы и смѣло,

---

*) Первая жена царя Алексѣя Михайловича изъ рода Милославскихъ.

Въ права царя вступивъ, остановила
Мятежъ кровавый, усмирила разомъ
Толпы стрѣльцовъ и водворила всюду
Порядокъ и спокойствіе.

(*входитъ* Софья)

СОФЬЯ.

Зачѣмъ
Ты звалъ меня?

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Меня опять прислали
Просить тебя, дозволь еще хоть разъ,
Въ послѣдній разъ твои увидѣть очи,
И снова всѣмъ съ покорною мольбой
Тебѣ челомъ ударить, чтобы царство
Ты не забыла милостью своей.
Въ *послѣдній* разъ, царевна! не упорствуй!
Склонись на то, что ужъ на самомъ дѣлѣ
Тебѣ одной принадлежитъ. Пора!

СОФЬЯ.

Я объявила имъ свое рѣшенье;
Я ихъ просила выбрать межъ собой
Достойнаго блюстителя престола....
Пускай придутъ, не въ правѣ отказать
Я просьбѣ ихъ мои увидѣть очи.
Быть можетъ мнѣ укажутъ и того,
Кого они достойнѣйшимъ считаютъ
Взять на себя тяжелыя заботы
Правленья царствомъ. Жду ихъ! Позови!

(Милославскій *уходитъ*)

СОФЬЯ.

Теперь пора! Я знала хорошо,
Что безъ меня они не обойдутся.
Довольно я отказывалась, время
Мнѣ снизойти на общую мольбу
И сдѣлаться правительницей царства.

(*Входятъ: Патріархъ, митрополиты, архіереи со всѣмъ освященнымъ соборомъ, бояре, думные люди, дьяки и пр.*)

СОФЬЯ (*ко всѣмъ*)

Намъ доложилъ бояринъ Милославскій,
Что, пообдумавъ зрѣло межъ собой,
Вы пожелали снова передъ очи
Мои предстать. Должно быть обсудили
Вы рѣчь мою и, съ общаго совѣта,
Избрали мужа, близкаго къ Царямъ,
Знакомаго съ заботами правленья
И зрѣлаго годами да умомъ.
Скажите, кто онъ? дабы, вмѣстѣ съ вами,
И я могла бы упросить его
Не отказать всеобщему желанью
И тяжкій трудъ правленья государствомъ
Принять съ смиреньемъ. Кто онъ?

ПАТРІАРХЪ.

Межъ собой
Мы совѣщались долго, но напрасно
Искали всѣ, кто могъ бы замѣнить
Намъ, государыня, тебя; не даромъ
На совѣщаньи нашемъ всѣ согласно
Въ отвѣтъ твое лишь имя произносятъ.
Мы всѣ къ тебѣ еще разъ припадаемъ
И съ слезною мольбою умоляемъ:
Не оставляй ты насъ своихъ сиротъ,
Помилосердуй, претворп на милость
Свое ты сердце, лишь о томъ помысли,
Что безъ тебя напрасно ожидать
Въ Москвѣ спокойствія, что снова смуты
Повсюду вспыхнутъ, что пойдутъ раздоры
Между народомъ, да и промежъ насъ
Не будетъ мира; только ты одна,
Великая пресвѣтлая Царевна,
Своею твердой царственной рукой,
Принять способна управленье царствомъ
И водворить спокойствіе и миръ.
Не откажи же, слезно умоляемъ,
Не отпускай ты насъ съ печалью тяжкой,
Возрадуй всѣхъ согласіемъ—и съ миромъ
Насъ отпусти, чтобы могли народъ

Мы успокоить вѣстію желанной.
Помилусердуй! (*всѣ становятся на колѣни*)

СОФЬЯ.

Встаньте! Какъ ни тяжко
Мнѣ огорчать отказомъ васъ, но снова
Я повторить вамъ прежнее должна.
Негожа я, мой слабый женскій умъ
Не въ силахъ справиться съ такой заботой
Какъ управленье царствомъ. Изберите
Изъ думы царской, изъ владыкъ духовныхъ,
Вы изъ достойнѣйшихъ достойныхъ и изъ нихъ
Совѣтъ правительскій составьте, какъ бывало
Въ подобные же смутные года,
И будетъ онъ всѣмъ править Государствомъ
За малолѣтствомъ избранныхъ царей.

ПАТРІАРХЪ.

Совѣтъ—совѣтомъ, но и надъ совѣтомъ,
Какъ головѣ надъ тѣломъ, быть должно
Лишь одному правителю; не даромъ
И воля Божія, и голосъ всѣхъ бояръ,
И общее желаніе народа
Намъ указуютъ на тебя. Смирись,
Царевна Софья; не смущай напрасно
Своимъ отказомъ тишины народной,
Которую тебѣ лишь удалось
Такъ водворить разумно; не противься!
Прими, прими!

ГОЛОСА.

Прими, не откажи!
Ты разумъ свой на дѣлѣ доказала!
То воля божія! Прими, прими!

СОФЬЯ.

Предъ волею народа, передъ вами,
Царей московскихъ вѣрными слугами,
Сподвижниками моего отца,
И предъ тобой, святѣйшій патріархъ,
Который нынѣ вѣщими устами

Мнѣ волю Божію изрекъ, я не дерзаю
И не имѣю силы устоять
Въ моемъ рѣшеньи. Милостивъ Господь!
И если онъ грѣхамъ моимъ потерпитъ,
И дастъ мнѣ силу, мудрость и совѣтъ,
Готова я принять святое бремя
Правительницы царства всей Руси.
Я принимаю власть—и постараюсь
Ее всецѣло передать другимъ,
Когда на то приспѣетъ время, вы-же,
Вы будете мнѣ дружно помогать
Въ великомъ дѣлѣ. Ты, святой отецъ,
Ты будешъ мнѣ совѣтникомъ, въ которомъ
Я такъ нуждаюсь сильно; вы, бояре,
Вы не оставите избранницу свою
Ни въ дѣлѣ думномъ, ни въ совѣтахъ ратныхъ,
Ни въ управленіи народомъ, всюду,
Гдѣ я безъ васъ не въ силахъ обойтись.
Я соглашаюсь! Объявите всѣмъ,
Что я, сестра и дочь царя, царевна Софья,
Склонясь на просьбы избранныхъ людей
Отъ царства русскаго, соизволеньемъ Бога
И милостью Владычицы пречистой,
Беру бразды правленья, сохраню,
При вашей помощи, ихъ честно и достойно
И передамъ, когда придетъ пора,
Ихъ какъ святыню нашимъ государямъ.
Теперь ступайте! Изберу достойныхъ
Я между вами и, призвавъ къ себѣ,
Имъ объявлю свои распоряженья,
Кому что вѣдать. Ты-жъ, святой отецъ,
Мнѣ испроси благословенье Бога
На тягость власти принятую мной.

ПАТРІАРХЪ.

Благослови тебя Владыко міра
За доброту достойную твою.

ГОЛОСА.

Благодаренье Господу! Спасибо,
Что не оставила сиротъ своихъ! Прими

Поклонъ земной за мудрое рѣшенье!
Да умудритъ тебя во всемъ Господь!
(*всѣ, кромѣ Софьи, уходятъ*)

СОФЬЯ.

Свершилось! То, о чемъ я такъ мечтала,
Что въ грезахъ мимолетныхъ лишь смущало
Мой юный духъ—исполнилось. Теперь
Я буду властвовать намъ всѣми. Боже правый,
Невидимый владыка, помоги
Мнѣ быть достойной выбора народа,
Въ которомъ воля лишь твоя видна.
Благослови меня на тяжкій подвигъ
И даждь мнѣ силы, мудрость и совѣтъ
Во всемъ достойной моего отца
И государя сдѣлаться. (*стучитъ ногой; входитъ спальникъ*) Попроси
Пожаловать ко мнѣ бояръ Ивана
Михайлыча, Василія Васильича да съ ними
И Шакловитаго, дьяка; скажи,
Чтобъ вмѣстѣ всѣ пришли. (*спальникъ уходитъ*) Сегодня я
Лишь съ ними побесѣдую; о прочемъ
Успѣемъ послѣ.
(*входятъ:* Милославскій, Голицинъ *и* Шакловитый)

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Мой поклонъ земной
Правительницѣ царства! Древній родъ,
Служилый, Милославскихъ оказался
Вполнѣ достойнымъ почести такой
Въ лицѣ твоемъ, Царевна. Что прикажешь
Твоимъ слугамъ покорнымъ?

СОФЬЯ.

Въ этотъ день,
Столь для меня великій, не могла
Я позабыть, бояринъ, всѣ заслуги,
Которыя оказывалъ ты мнѣ
Въ минуты тяжкія, въ былое время,
Когда мятежъ безумно бушевалъ
И ужъ грозилъ кровавою волною
Залить Москву. Тогда, твои совѣты

Мнѣ послужили много, помогли
Смирить народъ, что́ вздумалъ самовластно
Творить свой судъ надъ дерзкимъ беззаконьемъ,
И водворить вездѣ порядокъ. Нынѣ,
Прими бояринъ нашу благодарность
И нашъ поклонъ. (*кланяется*) Чтобъ отличить достойно,
Я возлагаю на тебя сегодня-жъ
Почетнѣйшую службу: отправляйся
И объяви ты отрокамъ-Царямъ
Рѣшенье наше; да узнаютъ всѣ,
Что съ этой вѣстью, столь для нихъ желанной,
Я посылаю именно тебя,
Изъ всѣхъ бояръ, по роду и усердью,
Достойнѣйшаго нашего слугу.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Поклонъ земной за милость! (*кланяется, дотрогиваясь правою рукою до полу*) И готовъ
Тебѣ служить я вѣрно до могилы,
Которую ужъ мнѣ не долго ждать. (*уходитъ*)

СОФЬЯ (*къ Шакловитому*)

А ты, Федоръ Леонтьичъ, поѣзжай
Къ боярину Хованскому, снеси
Ему поклонъ нашъ; сожалѣемъ очень,
Что тяжкая болѣзнь удержала
Его въ постели. А затѣмъ поѣдешь
Ты въ слободы стрѣлецкія, и тамъ
Повѣдай всѣмъ, что волею Господней,
Склонясь на просьбы слезныя бояръ,
Властей духовныхъ и самихъ Царей,
Рѣшилась я принять бразды правленья,
О чемъ тебя послала повѣстить
Полки стрѣлецкіе, которыхъ службу
И важныя заслуги оцѣнить
И наградить достойно я съумѣю.
Вели имъ дать изъ царскихъ погребовъ
Вина и меду вдоволь, пусть пируютъ
И празднуютъ весельемъ этотъ день.

ШАКЛОВИТЫЙ.

Исполню Государыня. (*уходитъ*)

СОФЬЯ.

А ты,
Бояринъ, что теперь намъ скажешь?
Послушаемъ.!

ГОЛИЦИНЪ.

Ты призвала меня;
Приказывай! и я исполню все,
Что повелѣть мнѣ нынѣ соизволишь
Правительница царства.

СОФЬЯ (*ласково*)

Ну, такъ слушай!
Правительница я, но для тебя
Все та-же Сонюшка, твоя голубка,
Которой ты такъ дорогъ. Свѣтъ мой, Вася,
Голубчикъ мой! Теперь я дамъ тебѣ
Возможность быть со мною чаще. Ну же,
Пріободрись! Иль я ужъ такъ страшна,
Что навожу лишь ужасъ?

ГОЛИЦИНЪ.

Онѣмѣетъ
Во рту языкъ, когда въ ушахъ раздастся
Твоя холодно-царственная рѣчь.
Ты женщина, какой еще доселѣ
Я не видалъ у насъ, и предъ тобою
Невольно подгибаются колѣни,
Какъ гнулись только предъ твоимъ отцомъ. (*становится на колѣни*)

СОФЬЯ.

Встань! Если это правда, такъ прими же
Ты нашъ холодно-царскій поцѣлуй.
(*цѣлуетъ его въ лобъ. Голицинъ встаетъ*).
Родной ты мой! Правительницѣ царства,
Великой Государынѣ, нѣтъ мѣста
Отраднѣе, чѣмъ у твоей груди!
(*склоняется къ нему на грудь*)

Теперь! ступай и ожидай посла,
Котораго пришлю я звать откушать
Тебя, мой милый! Соберу сегодня
Вокругъ себя я вѣрныхъ слугъ моихъ
И съ ними проведу въ живой бесѣдѣ
Мой первый день правленья. Милый мой!
(*цѣлуетъ Голицина и уходитъ*)

ГОЛИЦИНЪ.

Правительница царства, а со мною
Все такъ-же ласкова. О Боже, Боже,
Что предстоитъ мнѣ! Страшно и подумать,
Чего теперъ достигнуть я могу.

КОНЕЦЪ 2-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ III.

27 Апрѣля 1686 года.

ЦАРЕВНА СОФЬЯ.
БОЯРИНЪ ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ МИЛОСЛАВСКІЙ.
КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОЛИЦИНЪ
ПАНЪ КРИШТОФЪ ГРИМУЛЬТОВСКІЙ
ПАНЪ АЛЕКСАНДРЪ ОГИНСКІЙ.
ПАНЪ АЛЕКСАНДРЪ ПРІЕМСКІЙ
ПАНЪ ЯНЪ ПОТОЦКІЙ } польскіе послы
УКРАИНЦЕВЪ
ВОЗНИЦИНЪ } думные дьяки.
ФЕДОРЪ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ ШАКЛОВИТЫЙ—начальникъ стрѣлецкаго приказа.
СИЛЬВЕСТРЪ МЕДВѢДЕВЪ—настоятель Заиконоспасскаго монастыря.
ПАВЛЮКЪ СИЛИНЪ—колдунъ изъ Литвы.
АРСЕНІЙ—послушникъ.
СТОЛЬНИКЪ
ПЕРВЫЙ
ВТОРОЙ } БОЯРЕ.
Бояре, Боярыни, Карлицы и пр.

СЦЕНА I-я.

Золотая палата подъ Спасскою церковью во дворцѣ. Съ боку, на государевомъ мѣстѣ, кресло оправное съ алмазными запонами. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, съ обѣихъ сторонъ по двѣ боярыни вдовы въ убрусахъ и тѣлогрѣяхъ и по двѣ карлицы, перевязки на нихъ низанныя, шубы золотныя на соболяхъ. По стѣнамъ сидятъ съ каждый стороны, на лавкахъ, ближніе бояре, окольничьи и дьяки. Князь Василій Васильевичъ Голицинъ *и* Иванъ Михайловичъ Милославскій *ходятъ по палатѣ.*

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ГОЛИЦИНЪ.

Сейчасъ должны придти.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Напрасно только
Ихъ допустила матушка-Царевна
Сперва къ Царямъ. Вѣдь правитъ государствомъ
Теперь она, и слѣдовало-бъ ей
Отъ имени Царей чинить присягу
На вѣрность миру. А Цари малы́,
И принимать присягу имъ негоже
Въ такія лѣта.

ГОЛИЦИНЪ.

Я ужъ говорилъ
Тебѣ, бояринъ, почему Царевна
Такъ не могла устроить дѣло.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Вздоръ!
Лишь захотѣла-бы,—никто перечить
Ей не посмѣетъ.
(входитъ Стольникъ)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СТОЛЬНИКЪ.

Ужъ идутъ, бояринъ!
(*Голицинъ уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

МИЛОСЛАВСКІЙ (*вполголоса*)

Кого полюбитъ баба, такъ того
Ничѣмъ не пересилишь. Приворотитъ
Почище зелья всякаго, и мнѣ
Бороться съ нимъ, напрасный трудъ выходитъ.

Входитъ Софья *въ вѣнцѣ низанномъ изъ жемчуга, съ запанами и въ шубѣ оксамитной, золотной, собольей, опушенной соболями, обложенной большимъ кружевомъ, и садится на кресло. Возлѣ нея становятся: слѣва Голицинъ, а справа Милославскій.*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СОФЬЯ (*къ Стольнику*)

Скажи, что мы принять пословъ готовы.
(*Стольникъ уходитъ*)

(*Входятъ: думный дьякъ* **Украинцевъ**, *за нимъ Польскіе послы: панъ* **Криштофъ Гримультовскій** *воевода Познанскій, панъ* **Марціанъ, Александръ Огинскій** *канцлеръ Великаго княжества Литовскаго, панъ* **Александръ Пріемскій** *и панъ* **Александръ, Янъ Потоцкій** *каштелянъ Каменецкій. За ними* **Шакловитый** *и два стрѣлецкіе полковника.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

УКРАИНЦЕВЪ.

Великая и благовѣрная Царевна
И самодержица всея Великія
И Малыя, и Бѣлыя Руси!
Предъ очи свѣтлыя твои предстали,
И бьютъ тебѣ челомъ передъ отъѣздомъ
Послы державнѣйшаго короля
И Рѣчи Посполитой всей.
(*послы кланяются*)

СОФЬЯ (*къ Украинцеву*)

Скажи,
Что жалуемъ мы ихъ къ своей рукѣ.

УКРАИНЦЕВЪ (*къ посламъ*)

Великая и благовѣрная Царевна
И Самодержица всея Великія
И Малыя, и Бѣлыя Руси
Васъ жаловать къ рукѣ своей изволитъ.
(*послы подходятъ по очереди, цалуютъ у Софьи руку и отходятъ на прежнее мѣсто.*)

СОФЬЯ (*къ Украинцеву*).

Скажи, что мы желаемъ знать здоровы-ль
Державнѣйшаго короля послы.

УКРАИНЦЕВЪ.

Великая и благовѣрная Царевна
И Самодержица всея Великія
И Малыя, и Бѣлыя Руси́,
По милости своей неизрѣченной,
Васъ приказала опросить здоровы-ль?
Тебя ясневельможный и яснѣйшій,
Маршалокъ Королевина двора,
Панъ Криштофъ съ Гримультовицъ Гримультовскій,
Познанскій воевода, и тебя
Ясневельможный пане Александръ
Съ Козельска князь Огинскій, графъ въ Дубровнѣ
И канцлеръ княжества Литовскаго,
А также и тебя ясневельможный
Панъ Александръ Пріемскій, что́ въ Остринѣ
Подстоліемъ короннымъ, и тебя
Вельможный панъ съ Потока Янъ Потоцкій,
Старо́ста Каменецкій.

ГРИМУЛЬТОВСКІЙ.

Дай Господь
Тебѣ, Великой Самодержицѣ Царевнѣ,
Здоровой быть на многіе года!
А мы, по милосердію Господню
Да по твоей великой милости, здоровы.

СОФЬЯ (*къ посламъ*)

Великіе Цари и Государи
Уговоренный, вѣчный миръ изволятъ
Держать, безъ всякихъ нарушеній, крѣпко.
Надѣются, что также поступать
И Королевское Величество изволитъ.

ГРИМУЛЬТОВСКІЙ.

Наияснѣйшій и державнѣйшій король,
Пресвѣтлое Величество, всегда
Своихъ пословъ слова содержитъ крѣпко.
Надѣется и онъ, что Государи
Блюсти по правдѣ станутъ договоръ,
Межъ нами установленный на вѣки.

СОФЬЯ (*къ Украинцеву*)

Скажи, что мы достойно оцѣнили
Труды пословъ, съ которыми пришлось
Намъ заключить желанный, вѣчный миръ
И кончить споръ столь давній; объяви,
Что нынѣ мы ихъ съ миромъ отпускаемъ
Въ далекій путь и съ нашего стола
Ихъ жалуемъ и явствомъ, и питьемъ.

УКРАИНЦЕВЪ.

Великая и благовѣрная Царевна
И Самодержица всея Великія
И Малыя, и Бѣлыя Руси,
Цѣня достойно ваши всѣ труды,
При помощи которыхъ довелося
Покончить споръ, давно уже возникшій,
И заключить желанный, вѣчный миръ,
Васъ отпускаетъ съ миромъ въ путь далекій,
И въ знакъ своей къ вамъ милости изволитъ
Васъ жаловать и явствомъ, и питьемъ
Съ ея, Великой Государыни, стола.

ГРИМУЛЬТОВСКІЙ.

Мы сохранимъ въ признательныхъ сердцахъ
Изъ устъ Царевны слышанную милость,
И дай ей Богъ, по благости своей,
На много лѣтъ желаннаго здоровья.
(*послы кланяются и уходятъ*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

СОФЬЯ (*встаетъ*)

Благодаренье Господу! Сподобилъ
Онъ милостью своей неизрѣченной
Намъ древній Кіевъ удержать, отнынѣ
Онъ нашъ вполнѣ, и больше никогда
Мы никому его ужъ не уступимъ.
(*сходитъ съ трона и, проходя мимо дьяка Возницина, останавливается*)

Ты намъ докладывалъ намедни, утромъ,
Что французане лютеровой вѣры,
Ихъ королемъ Людовикомъ за то,
Что не хотятъ къ папежству обратиться,
Изъ королевства изгнаны, и просятъ
Явить къ нимъ милость, въ службу ихъ принять,
Или дозволить выселится къ намъ,
Торговлею заняться, ремеслами,
И насъ всему, что знаютъ, научить.

ВОЗНИЦИНЪ.

Такъ, Государыня!

СОФЬЯ.

Они народъ надежный?

ВОЗНИЦИНЪ.

Не знаю; только Свейскій резидентъ
Мнѣ говорилъ, что ихъ король охотно
Имъ разрѣшилъ селиться у себя
И многихъ въ службу принялъ. И изъПольши
Доносятъ намъ, что эти французане
Живутъ по чести, трудовой народъ
И намъ полезны будутъ.

СОФЬЯ.

Прикажи же
На рубежахъ повсюду имъ чинить
Свободный пропускъ; тѣхъ, кто пожелаетъ
Служить намъ въ дѣлѣ ратномъ, допустить
И записать въ полки, смотря по званью,
Какое кто носилъ въ своей землѣ;
А тѣхъ, кто ремесломъ или торговлей
Заняться хочетъ, записать накажешь
Гостями ихъ, и дать имъ тѣ же льготы,
Которыми гостиный людъ владѣетъ.
Такіе люди нужны намъ, за ними
И нашъ народъ потянетъ, и, конечно,
Полезное съумѣетъ перенять.

(*уходитъ. Всѣ расходятся*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ДВА БОЯРИНА.

ПЕРВЫЙ (*вполголоса*)

И самодержицей ужъ стала величаться.

ВТОРОЙ (*тоже*)

Какъ поживемъ, не то еще увидимъ.
(*замѣтивъ подходящаго Шакловитаго. Громко*)
Ужъ мудра какъ да царски величава,
И правитъ царствомъ такъ, что всѣмъ на радость.

ПЕРВЫЙ.

Ужъ невозможно лучше пожелать!

ШАКЛОВИТЫЙ.

Да, эдакаго мира не случалось
Еще царямъ московскимъ заключать.

СЦЕНА 2-я.

Келья Медвѣдева въ Заиконоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ. Ночь.
Шакловитый *и* Медвѣдевъ *сидятъ у стола.*

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

МЕДВѢДЕВЪ.

Такъ! Хорошо! И польскіе послы
Челомъ ей били розно отъ Царей,
И самодержицею даже величали?

ШАКЛОВИТЫЙ.

Да, величали. Отъ нее самой
Теперь зависитъ кончить это дѣло,
И самодержицею сдѣлаться вполнѣ.

МЕДВѢДЕВЪ.

Да, это правда. Надобно рѣшиться
Ей на себя корону возложить,
А иначе не будетъ никогда

Царевны власть незыблема спокойна.
Теперь пока никто не прекословитъ,
Но Царь меньшой, когда войдетъ въ года,
Ужъ не захочетъ больше подчиняться
И вырветъ власть.

ШАКЛОВИТЫЙ.

А старшій Царь на что?
Онъ недопуститъ! Да и Петръ едва-ли
Протянетъ долго. Говорятъ, что съ нимъ
Случаются припадки бѣснованья
И порчи тяжкой, вотъ зачѣмъ его
И изъ Москвы Царица увезла.

МЕДВѢДЕВЪ.

Не догадалась мудрая Царевна
Вѣнчаться съ Государями на царство
Въ ту смутную пору, когда ее
На управленье государствомъ звали.
Тогда бы всѣ на это согласились,
И повѣнчали бы, и ужъ крѣпка
Она на царствѣ стала бы, а нынѣ....

ШАКЛОВИТЫЙ.

А ныне что-жъ?

МЕДВѢДЕВЪ.

Крѣпка, да не совсѣмъ.
Противъ нее давно ужъ козни точатъ
Бояре многіе, и даже Патріархъ
На видъ покоренъ ей, а втихомолку,
Въ кругу своихъ, такое говоритъ,
Что срамно слушать.

ШАКЛОВИТЫЙ.

Пусть себѣ толкуетъ;
Отъ словъ не станется. Пока держу
Въ своихъ рукахъ стрѣлецкіе полки,
Я не боюсь ихъ болтовни. Царевнѣ
Стрѣльцы послушны будутъ, противъ нихъ-же
Никто не станетъ спорить.

МЕДВѢДЕВЪ.

Слова нѣтъ.
Съ такою силой можетъ всякій править,
Пока она послушна. Но ты знаешь,
Что вѣдь она надежна не совсѣмъ;
И если только Патріархъ подниметъ
Противъ нее служилыхъ да народъ,
Такъ и стрѣльцы....

ШАКЛОВИТЫЙ.

Да кто-жъ его допуститъ
Мутить народъ. Додумался я, отче,
Что если всѣ стрѣлецкіе полки
Промежъ себя напишутъ челобитье,
Чтобы премудрой Государынѣ вѣнчаться
Самой на царство, кто же противъ нихъ
Посмѣетъ спорить? Если жъ Патріархъ
Задумаетъ противиться, такъ можно
Благословенье прочихъ патріарховъ
Легко достать; не дорого возьмутъ!
А старика низложимъ, изберемъ
Такого патріарха, чтобы онъ
Былъ и ученъ, и мудръ, и Царевнѣ
До гроба преданъ. Не придется долго
Искать такого, есть ужъ на примѣтѣ,
Да и тебѣ извѣстенъ хорошо:
Какъ самъ себя, давно его ты знаешь.

МЕДВѢДЕВЪ.

Да, если отъ самихъ стрѣльцовъ начнется
Такое дѣло, ну, тогда, конечно,
Совсѣмъ другое выйти можетъ. Ты
Ужъ говорилъ объ этомъ съ ними?

ШАКЛОВИТЫЙ.

Какъ-же....
То есть не то чтобъ прямо, вѣдь нельзя-же
Такое дѣло разомъ начинать.
Такъ.... намекалъ....

МЕДВѢДЕВЪ.

И что же?

ШАКЛОВИТЫЙ.

Обѣщались
Поразузнать. А если ужъ дойдетъ
До челобитной, такъ тогда придется
Тебя просить, чтобъ написалъ ее.
Ты не откажешь?

МЕДВѢДЕВЪ.

Отчего же, можно.
Конечно, надо такъ изобразить,
Чтобы оно законно выходило.
Постой! Стучатъ! Бояринъ князь Голицинъ
Должно быть жалуетъ. Ну такъ и есть.
(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ШАКЛОВИТЫЙ.

О! только бы на царство повѣнчать
Намъ удалось царевну. Съ нею крѣпокъ
Я буду надъ боярствомъ, а затѣмъ,
Какъ властелинъ стрѣльцовъ, могу легко
Въ своихъ рукахъ всю власть сосредоточить.
(*входятъ* Медвѣдевъ *и* Голицинъ)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

МЕДВѢДЕВЪ.

Войди, бояринъ, милости прошу.
Да только что вернулся съ колокольни
И нашъ Павлюкъ, сегодня для тебя
Я посылалъ его.

ГОЛИЦИНЪ.

Такъ позови!
Ужъ поздно очень.

МЕДВѢДЕВЪ.

Позову сейчасъ.
(*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ГОЛИЦИНЪ.

А ты давно пожаловалъ, бояринъ?

ШАКЛОВИТЫЙ.

Часа ужъ два болтаемъ.

(*входятъ* **Медвѣдевъ и Павлюкъ**)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МЕДВѢДЕВЪ.

Ну, входи!
Желаетъ знать бояринъ, что ты видѣлъ
Сегодня нá небѣ.

ПАВЛЮКЪ.

Немного.

ГОЛИЦИНЪ.

Почему же?

ПАВЛЮКЪ.

Твоя звѣзда, бояринъ, не надолго
Была видна. На свѣтлыхъ небесахъ,
Для вашихъ глазъ, какъ будто бы спокойно
Мерцаютъ звѣзды въ блескѣ полнолунья;
Не такъ на дѣлѣ. Нà небѣ, сегодня,
Великое смятенье происходитъ,
И что нибудь недоброе сулитъ
Странамъ восточнымъ. И твоя звѣзда
Сегодня намъ немного указала;
Горитъ спокойно.

ГОЛИЦИНЪ.

А звѣзда царевны?

ПАВЛЮКЪ.

Не отыскалъ.

ГОЛИЦИНЪ.

Когда-жъ ее отыщешь?

ПАВЛЮКЪ.

Не знаю.

ГОЛИЦИНЪ.

Кто же знаетъ?

ПАВЛЮКЪ.

Не ропщи!
Не отъ меня зависитъ.

ГОЛИЦИНЪ.

Вѣдь должна же
Она на небѣ быть?

ПАВЛЮКЪ.

Должна, конечно.

ГОЛИЦИНЪ.

Такъ отчего же ты до сей поры
Ее найти не можешь?

ПАВЛЮКЪ.

Не могу.

ГОЛИЦИНЪ.

Когда жъ найдешь? (*Павлюкъ молчитъ*) Такъ ничего сегодня
Не скажешь больше?

ПАВЛЮКЪ.

Говорю, что видѣлъ;
А врать не стану.

ГОЛИЦИНЪ.

Можетъ быть не въ силахъ
Увидѣть все, что можно увидать
Тому, кто знаетъ звѣздную науку?

ПАВЛЮКЪ.

Кто знали все, ужъ тѣхъ давно на свѣтѣ
Не встрѣтишь ты.

ГОЛИЦИНЪ.

Откуда жъ научился
Ты тайнѣ ихъ? Или морочишь только?

ПАВЛЮКЪ.

Ты хочешь знать?

ГОЛИЦИНЪ.

Хочу!

ПАВЛЮКЪ.

Изволь, скажу.
Было время, время древнее,
Время древнее, минувшее.
На Литвѣ, на нашей родинѣ,
Въ заповѣданныхъ лѣсахъ,
Возвышались храмы чудные,
Гдѣ горѣли, отражаючи
Славу Знича [1]) вѣковѣчнаго,
Негасимые огни.
Собирались люди вѣщіе
Тамъ въ полнощную пору,
И на башняхъ семиярусныхъ
Проводили ночи ясныя,
Да читали книгу звѣздную
И взирали на луну.
Много, много тайнъ премудрости
Довелось, по небу звѣздному,
Людямъ тѣмъ постичь;
Но запала къ нимъ дороженька
Съ той поры, какъ вѣщихъ пастырей
Успокоилъ, въ царствѣ избранныхъ,
Вѣковѣчный Зничъ.
Расшатались храмы чудные,
Развалились башни крѣпкія,
Разбрѣлись по свѣту бѣлому
Слуги тѣхъ людей,
И съ собой частичку малую
Унесли былой премудрости,
Кривъ-Кривейтами [2]) добытую,
Съ вѣрой чуждой позабытую,

---

1) Зничъ—богъ солнца и огня у Литовцевъ.
2) Кривейты—жрецы. Криве-Кривейто—главный жрецъ всей Литвы.

Даже проклятую ей.
Смотримъ мы, знаемъ мы, кто же намъ не вѣритъ,
Пусть того своимъ лучемъ мѣсяцъ перемѣритъ.
(*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

МЕДВѢДЕВЪ.

Нельзя не вѣрить. У меня три года
Какъ онъ живетъ въ монастырѣ, и часто
Его слова сбывалися вполнѣ.
У королей, у разныхъ государей,
У всѣхъ живутъ такіе вѣдуны,
И называются они астрологосы,
По нашему то значитъ звѣздочеты,
Науку звѣздъ постигшіе вполнѣ.
Наука та извѣстна съ давнихъ поръ;
Отъ пастуховъ халдейскія страны
Она ведетъ свое существованье.
Какъ по звѣздѣ восточные Цари
О Рождествѣ Спасителя узнали,
Такъ и о грѣшномъ человѣкѣ можно
Его судьбу, по звѣздамъ вѣковѣчнымъ,
Которымъ нѣсть числа на небеси,
Узнать навѣрно. Много разъ пытался
Я упросить хилаго старика,
Чтобъ научилъ премудрости небесной
Онъ и меня.

ГОЛИЦИНЪ.

И что-же?

МЕДВѢДЕВЪ.

Не согласенъ.
Подъ страшной клятвой состоитъ, нельзя
Ему ни съ кѣмъ той тайной подѣлиться.

ГОЛИЦИНЪ.

Да, много тайнъ открыто человѣку;
Невольно вѣришь.

МЕДВѢДЕВЪ.

Выпей-ка, бояринъ,
Ты монастырскаго медку. Разгонитъ разомъ
Онъ мысли тяжкія. Арсеній!
(*входитъ* Арсеній)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

АРСЕНІЙ.

Что прикажешь?

МЕДВѢДЕВЪ (*достаетъ изъ шкапа ключъ и отдаетъ Арсенію*)

Сходи на погребъ, нацѣди-ка жбанъ
Медку боярскаго.
(Арсеній *уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ШАКЛОВИТЫЙ.

Ну ужъ и медъ!
И въ царскихъ погребахъ ему, навѣрно,
Въ ряду отборномъ мѣсто отведутъ.

МЕДВѢДЕВЪ (*къ Голицину*)

А мнѣ Федоръ Леонтьевичъ сейчасъ
Какую вѣсть принесъ.

ГОЛИЦИНЪ.

Какую?

МЕДВѢДЕВЪ.

Будто,
Между стрѣльцами рѣчь идетъ о томъ,
Чтобъ челобитьемъ войскомъ всѣмъ ударить,
И упросить премудрую Царевну
На царство повѣнчаться.

ГОЛИЦИНЪ.

Не слыхалъ
Я ничего про это.

ШАКЛОВИТЫЙ.

Я и самъ
Узналъ объ этомъ лишь сегодня. Утромъ
Мнѣ дъякъ въ приказѣ сообщилъ, а слышалъ
Онъ отъ полковниковъ стрѣлецкихъ.

ГОЛИЦИНЪ.

Говорилъ
Ты Государынѣ объ этомъ?

ШАКЛОВИТЫЙ.

Нѣтъ!
Такія вѣсти невозможно тотчасъ
Докладывать Царевнѣ. Разузнать
Подробнѣй надо.

МЕДВѢДЕВЪ.

Разъ ужъ уступила
Царевна просьбѣ общей, приняла
Правленье царствомъ, ну и нынѣ, если
Народъ захочетъ видѣть на престолѣ
Не недоростковъ-двойниковъ, а ту,
Которая столь долго управляетъ
Московскимъ царствомъ...(Арсеній *приноситъ медъ и уходитъ.* Медвѣдевъ *наливаетъ стопы)* Выкушай, бояринъ!

ГОЛИЦИНЪ (*пьетъ*)

Спасибо, отче. Трудно будетъ нынѣ
Заставить патріарха да бояръ
На эдакое дѣло согласиться.

ШАКЛОВИТЫЙ.

Коль захотятъ стрѣлецкіе полки,
Такъ на своемъ поставить ужъ съумѣютъ.

ГОЛИЦИНЪ.

Ты хорошо ихъ знаешь?

ШАКЛОВИТЫЙ.

Я? Еще бы!

ГОЛИЦИНЪ.

И истинно, что эта мысль идетъ
Отъ нихъ самихъ?

ШАКЛОВИТЫЙ.

Должно быть.

ГОЛИЦИНЪ.

И межъ ними
Не станетъ розни?

ШАКЛОВИТЫЙ.

Можно удалить
Всѣхъ несогласныхъ, коль они найдутся.

МЕДВѢДЕВЪ.

Вѣдь государыня изволила начать
Писаться самодержицей въ указахъ,
И всѣ молчатъ. И сами патріархи,
Въ своихъ посыльныхъ грамотахъ, и тѣ
Ее такимъ же титломъ величаютъ...
Такъ вѣдь придется только закрѣпить,
Что ужъ давно на дѣлѣ совершилось.

ГОЛИЦИНЪ (*къ Шакловитому*)

Чтожъ, разузнай! Коль вѣсти справедливы
Я доложу царевнѣ. Можетъ быть
Она и согласится. Ну, прощайте!
Пора домой. (*встаетъ*)

МЕДВѢДЕВЪ (*достаетъ книгу съ полки*)

Позволь тебѣ, бояринъ,
Вручить вотъ эту книжицу, ее
Я получилъ изъ Полоцка сегодня.

ГОЛИЦИНЪ.

Какая книга?

МЕДВѢДЕВЪ.

Съ польскаго письма
На нашъ языкъ переведенная, зовется
Исторіей о Магилонѣ Королевнѣ.
Быть можетъ и Царевна пожелаетъ

Ее прочесть, занятно нарочито
Она написана.

ГОЛИЦИНЪ.

Спасибо, отче.
Благослови въ дорогу.

МЕДВѢДЕВЪ.

Надъ тобою
Да почіетъ Господь. Прости, бояринъ;
Не проводить-ли до воротъ?

ГОЛИЦИНЪ.

Не надо.
Знакомый путь! А на Ильинкѣ ждетъ
Меня Демидка. (*къ Шакловитому*) Ты-жъ другой дорогой
Отсюда выйди.

ШАКЛОВИТЫЙ.

Знаю. Не въ перво́й
Намъ выходить приходится. Прощай
Честно́й отецъ. И мнѣ благословенье
Подай Господне.

МЕДВѢДЕВЪ. (*благословляетъ*)

Коли нужно будетъ,
Такъ упредите—и ночной порой
Опять сберемся.

ГОЛИЦИНЪ.

Ладно. Благодарствуй!

ШАКЛОВИТЫЙ.

Спасибо на словѣ. Прощай!

МЕДВѢДЕВЪ.

Прощайте!
(**Голицинъ** *и* **Шакловитый** *уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

МЕДВѢДЕВЪ.

Ужъ поздно какъ. Заблаговѣстятъ скоро
Къ заутрени. Не стоитъ и ложиться.
Займуся чтеніемъ. (*достаетъ книгу, садится и читаетъ немного, затѣмъ задумывается*) Ишь, какую штуку
Ты выдумалъ Леонтьичъ! Коль удастся,
Тогда... а можетъ быть... возможно, право.
И я... придется Павлюка спросить,
Что скажутъ звѣзды. Вѣчныя свѣтила
Вѣрнѣе всѣхъ грядущее откроютъ,
И истины не утаитъ старикъ.

КОНЕЦЪ III-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

въ 1689 году.

СЦЕНА 1-я.

31 Августа.

Обширный дворъ обнесенный деревяннымъ частоколомъ. На право домъ съ широкимъ крыльцомъ, на лѣво службы. Группы стрѣльцовъ. На крыльцо выходитъ стрѣлецъ Тума.

ТУМА.

Сбирайся въ путь! Пора! Совсѣмъ стемнѣло.
Огни зажгите!

(Стрѣльцы собираются къ крыльцу).

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ:

Сборы-то не долги.

СТРѢЛЕЦЪ БЕЗУХІЙ.

Дойти—дойдемъ. Но приведетъ ли Богъ
Вернуться по добру да по здорову,—
Невѣдомо.

ТУМА.

О томъ узнаешь послѣ,
Когда настанетъ время. А теперь
Раздумывать объ этомъ не годится.
Куда велятъ, туда и путь держи.

БЕЗУХІЙ.

Да коли путь къ застѣнку приведетъ,
Такъ не совсѣмъ-то ладно тамъ придется.

ТУМА.

Кто трусить сталъ, тому, какъ зайцу въ полѣ,
Вездѣ дорога. Силой не удержимъ.
Ступай назадъ!

отпечатана дополнительно.

БЕЗУХІЙ.

Отъ міра не отстану.
Пойду съ другими.

ГОЛОСА.

Вздора не толкуй!
Да не смущай другихъ! И безъ тебя
Не заблудимся! Заяцъ! Трусъ! Собака!

ТУМА.

Довольно вздоръ молоть. Эй, Головня,
Возьми съ собой двоихъ, что́ посмышленѣй,
Да отбери коней у мужиковъ
И поѣзжай впередъ дозоромъ. Если
Неладное завидишь, такъ сейчасъ же
Лети назадъ.

ГОЛОВНЯ.

Каримка, ты вѣдь зорокъ,
И ты Косарь—гайда впередъ за мной!
Возьмемъ коней и въ путь. Скажи Царевнѣ,
Что даже зайца не пропустимъ къ ней.
(уходятъ).

ТУМА.

Ну становись въ порядокъ по былому,
Да зажигай огни. Сейчасъ изволитъ
Царевна выйти. (*вполголоса*) Что то медлитъ очень;
Должно быть не надѣется дойти
Добромъ до Лавры.

(Стрѣльцы зажигаютъ факелы и становятся около крыльца, на которое выходитъ Софья).

СОФЬЯ.

Какъ спустилась быстро
На землю ночь. Пора! Идемъ впередъ!
Недалеко до Лавры ужъ осталось.
(*вбѣгаетъ Головня*).

ГОЛОВНЯ.

Стрѣльцы идутъ!

СОФЬЯ.

Откуда?

ГОЛОВНЯ.

Къ намъ на встрѣчу.

Изъ Лавры видно.

СОФЬЯ.

Близко?

ГОЛОВНЯ.

Да сейчасъ

Придутъ сюда.

СОФЬЯ.

А съ ними кто?

ГОЛОВНЯ.

Не знаю.

СОФЬЯ.

И много ихъ?

ГОЛОВНЯ.

Поболѣе чѣмъ насъ.

ТУМА.

Эй, не зѣвать! Ворота на запоръ!
Да въ бердыши дружнѣе принимайте!
(*стрѣльцы запираютъ ворота и готовятся къ бою*).

СОФЬЯ.

Ты не видалъ, кто ихъ ведетъ?

ГОЛОВНЯ.

Не знаю.

Но по горлатной шапкѣ домекаю,
Что съ ними есть бояринъ. Вотъ они!
(*Слышенъ шумъ шаговъ, затѣмъ раздается стукъ въ ворота*).

ТУМА.

Кто тамъ?

ГОЛОСЪ.

Пусти!

ТУМА.

Откуда?

ГОЛОСЪ.

Отъ Царя!

ТУМА.

А присланъ кто?

ГОЛОСЪ.

Бояринъ Троекуровъ.

ТУМА.

Къ кому идетъ?

ГОЛОСЪ.

Къ Царевнѣ.

(*Тума вопросительно смотритъ на Софью*).

СОФЬЯ.

Пропусти!

Коль отъ Царя, такъ выслушать готова
Его посла.

(*отворяютъ ворота. Входитъ Троекуровъ за нимъ толпа стрѣльцовъ, которые становятся по другую сторону сцены*).

СОФЬЯ.

Ты къ намъ?

ТРОЕКУРОВЪ (*подходитъ къ Софьѣ, снимаетъ шапку и кланяется*).

Къ тебѣ! Прими поклонъ, Царевна.

(*всѣ стрѣльцы кланяются*).

СОФЬЯ.

А отъ кого?

ТРОЕКУРОВЪ.

Изъ Лавры, отъ Царя
И Государя нашего.

СОФЬЯ.

Готова
Я отъ Царя всегда принять посла.
Какую вѣсть принесъ отъ Государя
Ты къ намъ, бояринъ? Говори скорѣе!
Намъ время въ путь.

ТРОЕКУРОВЪ.

Изволилъ приказать
Мнѣ Государь, провѣдавъ, что рѣшилась
Идти ты въ Лавру, чтобы отложила
Ты это дѣло и назадъ въ Москву
Скорѣй вернулась.

СОФЬЯ.

Только?

ТРОЕКУРОВЪ.

Да.

СОФЬЯ.

Не много.

А для чего?

ТРОЕКУРОВЪ.

Не знаю.

СОФЬЯ.

И тебѣ
Самъ братъ нашъ Петръ во очью передалъ
Слова такія?

ТРОЕКУРОВЪ.

Соизволилъ лично
Мнѣ передать, что я тебѣ сказалъ.

СОФЬЯ.

Ты вѣдаешь, зачѣмъ теперь иду
Я въ Лавру?

ТРОЕКУРОВЪ.

Нѣтъ! О томъ мнѣ неизвѣстно.

СОФЬЯ.

Такъ знай же! Для того, чтобъ положить
Конецъ великой смутѣ, чтобы снова
Намъ водворить спокойствіе и миръ
И вывесть всѣхъ, которые дерзнули
Меня поссорить съ братомъ,—я рѣшилась
Пойти къ нему сама, чтобъ при свиданьи
Ему открыть на все глаза и вмѣстѣ
Въ Москву вернуться. Возвратись же съ миромъ
Ты снова въ Лавру, и Царя Петра.
Ты упреди о всемъ, что нынѣ слышалъ
Изъ нашихъ устъ. Я вѣдаю, что онъ
Такою вѣстью огорченъ не будетъ.
А намъ пора въ дорогу.

(*сходитъ съ крыльца*).

ТРОЕКУРОВЪ.

Не могу
Я возвратиться въ Лавру.

СОФЬЯ.

Почему-же?

ТРОЕКУРОВЪ.

Мнѣ повелѣлъ Великій Государь
Его исполнить точно приказанье.

СОФЬЯ.

Ты и исполнилъ. Передалъ ты намъ
Желанье брата, а затѣмъ, конечно,
Отъ насъ самихъ зависитъ нашъ отвѣтъ.

ТРОЕКУРОВЪ.

То не желанье.

СОФЬЯ.

Что же?

ТРОЕКУРОВЪ.

То приказъ.

СОФЬЯ.

Приказъ? Кому? Правительницѣ Царства?
Да разсудилъ ли ты, бояринъ, что сказалъ?

ТРОЕКУРОВЪ.

Приказъ, царевна.

СОФЬЯ.

Прочь скорѣе съ глазъ
Покуда живъ! Тума, веди впередъ
Моихъ стрѣльцовъ! Подайте колымагу!
Чего намъ мѣшкать.

ТРОЕКУРОВЪ.

Погоди, царевна;
Не доводи до боя. Повелѣлъ
Мнѣ Государь, во чтобы-то ни стало,
Тебя, гдѣ встрѣчу, удержать въ пути
И не пускать впередъ.

СОФЬЯ.

И ты посмѣешь
Насъ удержать?

ТРОЕКУРОВЪ.

Я только исполняю
Приказъ Царя.

СОФЬЯ.

Посторонись! не время
Съ тобой балясничать!

ТРОЕКУРОВЪ.

Ты не гнѣвись, царевна.
Одумайся! Я не пущу тебя!

СОФЬЯ.

Посмотримъ. Прочь! (*наступаетъ на Троекурова*).

ТРОЕКУРОВЪ (*медленно отодвигаясь*).

Не доводи, царевна,
Меня до силы. Коль на то пошло,
Такъ я приказъ имѣю поступить
Съ тобой нечестно.

СОФЬЯ (*останавливаясь*).

Что? Что ты сказалъ?

ТРОЕКУРОВЪ.

Ты слышала. (*указываетъ на стрѣльцовъ*). Мнѣ стоитъ приказать,
Они исполнятъ. Нынѣ лишь одной
Мы царской волѣ повинуемся.

СОФЬЯ (*оборачиваясь къ своимъ стрѣльцамъ*).

А вы?
Вы за кого стоите? (*молчаніе*). Я вѣдь смѣло
Ввѣряюсь вамъ. Вы слышали? (*молчаніе. Софья вполголоса*). Молчатъ!

ТРОЕКУРОВЪ.

Прольется кровь напрасно, но до Лавры
Тебѣ, царевна, не дойти. Довольно
Есть у Царя народа, и со всѣми
Тебѣ не справиться. Вернись.

СОФЬЯ.

Могла бы я
Съ тобою рѣчь повесть инымъ манеромъ,
Но не хочу напрасно тратить словъ.
Насъ мало здѣсь! Хотя не сомнѣваюсь
Я въ храбрости моихъ надежныхъ слугъ,
Но для меня ихъ кровь дороже вашей
И не хочу ей жертвовать для васъ.
Я возвращусь въ Москву. Коль не желаетъ
Со мной свиданья младшій Государь,
Пускай же самъ придетъ ко мнѣ и къ брату
И дастъ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ.

Мы будемъ ждать. А тамъ народъ разсудитъ
Кому прямить, кто нынѣ правъ изъ насъ.
Идемъ въ Москву!

(медленно уходитъ со своими стрѣльцами).

ТРОЕКУРОВЪ *(и его стрѣльцы снимаютъ шапки и кланяются).*

Поклонъ тебѣ, царевна,
За мудрое рѣшенье. Тяжело
Мнѣ было бы приказъ Царя исполнить;
Кто-жъ правъ изъ васъ, о томъ разсудитъ Богъ.

(подождавъ, пока всѣ стрѣльцы вышли за ворота).

Корнѣевъ, захвати съ собой двухъ конныхъ
И издали слѣдите осторожно,
Куда пойдетъ Царевна. Если только
Она задумаетъ окольною дорогой
Пробраться въ Лавру, тотчасъ дайте знать.

(Корнѣевъ съ двумя стрѣльцами уходятъ).

А намъ придется здѣсь вплоть до разсвѣта
Остановится. Съ Богомъ! На ночлегъ!
Да оставайтесь въ сборѣ. Неравно
Придется въ путь, такъ гдѣ васъ собирать.

(стрѣльцы располагаются бивакомъ и разводятъ огонь).

(входитъ стрѣлецъ Безухій).

ТРОЕКУРОВЪ.

Тебѣ что надо?

БЕЗУХІИ.

Я остался здѣсь.

ТРОЕКУРОВЪ.

Зачѣмъ?

БЕЗУХІЙ.

Хочу царю служить, не бабѣ.

ТРОЕКУРОВЪ.

Ну оставайся съ нами. Хорошо,
Что во́-время одумался.

БЕЗУХІЙ.

Да много
Сегодня въ ночь къ вамъ въ Лавру прибѣгутъ.

ТРОЕКУРОВЪ.

Пойдемъ въ избу. Поразспросить не худо
Тбея о томъ, что дѣется въ Москвѣ.

(уходятъ въ избу).

ДѢЙСТВІЕ IV.

въ 1689 году.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЦАРЕВНА СОФЬЯ.
ФЕДОРЪ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ ШАКЛОВИТЫЙ.
НАРБЕКОВЪ—окольничій.
НЕЧАЕВЪ—стрѣлецкій полковникъ.
ДУМНЫЙ ДЬЯКЪ.
ОБРОСИМЪ ПЕТРОВЪ—стрѣлецъ.
ЕВДОКИМОВЪ—истопникъ въ теремѣ Софьи.
НИКИТКА—шутъ.
Стрѣльцы, посадскіе, народъ и пр.

СЦЕНА I-я.

31 Августа.

Въ теремномъ дворцѣ на Верху. Вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Шакловитый и Нарбековъ).

НАРБЕКОВЪ.

Плохія времена пришли, бояринъ.
Такая завязалась кутерьма,
Что страшно и подумать. Возвратилась
Сейчасъ Царевна гнѣвна и смутна;
Недопустили, говорятъ, ее
Дойти до Лавры. Въ Вздвиженскомъ селѣ
Остановили и назадъ вернуться
Заставили бы силой, коль она
Упорствовать бы долѣе рѣшилась.

ШАКЛОВИТЫЙ.

Давно я ждалъ того, что называешь
Ты кутерьмой, но чаялъ, что иной
Конецъ ей будетъ, а выходитъ, нынче,
Совсѣмъ другое. Знатные бояре,
Какъ мухи къ меду, къ Троицѣ стеклись;
Самъ патріархъ остался у Петра;
Но ничего не значило-бъ и это
Когда-бъ въ стрѣльцахъ не завелася рознь.
На Сухарева полкъ не полагался
Я никогда, но не успѣлъ во время
Его спровадить изъ Москвы, и онъ
Весь, цѣликомъ, ушелъ къ Петру; за нимъ
Перебѣгать изъ прочихъ тоже стали,
Полковники: Нечаевъ, Спиридоновъ,
Нормацкій, Дуровъ, оба Сапоговы
И даже Цыклеръ, тотъ, кто мной всегда
Считался преданнымъ душой царевнѣ.
Да, время трудное. Не даромъ мнѣ,
Все это время, тяжкія видѣнья
Во снѣ покоя не давали. Будетъ
Конецъ и скоръ, и страшенъ.

НАРБЕКОВЪ.

Можетъ быть,
Еще успѣетъ, способомъ разумнымъ,
Царевна съ братомъ примириться.

ШАКЛОВИТЫЙ.

Нѣтъ, теперь,
Ужъ примиренья больше быть не можетъ.
Теперь возможенъ лишь одинъ исходъ:
Или она, иль онъ, а вмѣстѣ имъ,
Какъ двумъ медвѣдямъ, въ царственной берлогѣ
Ужъ не ужиться больше. О себѣ
Я пересталъ и думать. До конца
Я послужу царевнѣ, а затѣмъ,
Что Господу угодно, то и будетъ.

(*входитъ* Софья)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ШАКЛОВИТЫЙ.

Вернулась, Государыня?

СОФЬЯ.

Вернулась
Невольно я, бояринъ. Смѣло шла
Я къ Лаврѣ, окруженная толпою,
Какъ мнѣ казалось, преданнѣйшихъ слугъ;
Но въ Вздвиженскомъ ужъ ожидалъ меня
Ивашка Бутурлинъ и объявилъ
Мнѣ волю брата, чтобъ остановилась
И далѣе не шла. Посла такого,
Я слушать бы не стала и хотѣла
Ужъ дальше ѣхать, но во слѣдъ прислали
Боярина Ивана Троекурова, тотъ тоже
Мнѣ передалъ, чтобъ я остановилась,
И даже мнѣ, правительницѣ царства,
Осмѣлился сказать, что если я
Пойду впередъ, то онъ указъ имѣетъ
Со мною поступить нечестно. Боже!
Отъ дерзкихъ словъ, неслыханныхъ доселѣ,
Вскипѣла гнѣвомъ страшнымъ грудь моя,
И приказать хотѣла я тотчасъ же
Замкнуть на вѣки дерзкія уста,
Которыя осмѣлилися мнѣ
Такую рѣчь промолвить, и затѣмъ
Идти впередъ,—но мало вкругъ меня
Стрѣльцовъ надежныхъ было, да и тѣ
Въ смущеніи стояли, и на лицахъ
Почти у всѣхъ какое то раздумье
Да робость проявились. Не рѣшилась
Я казнь изрѣчь боярину, боялась,
Чтобъ не ушелъ на вѣтеръ мой приказъ,
И возвратилася въ Москву. Но здѣсь
Еще не все потеряно! Довольно
У насъ еще осталось вѣрныхъ слугъ,
Такихъ какъ вы!

ШАКЛОВИТЫЙ.

Я за тебя, Царевна,
Готовъ на смерть!

НАРБЕКОВЪ.

А если жизнь моя
Тебѣ полезна будетъ, пожалѣю
Лишь объ одномъ, что только разъ, не больше,
Ее отдать могу.

СОФЬЯ.

Спасибо! Вѣрю
Я въ вашу преданность. Сейчасъ послала
Я въ слободы, чтобъ привели Петрова
Съ товарищами. Передамъ имъ все,
Что сдѣлали со мной дорогой. Вы же,
Усильте всюду стражу и поставьте
На выѣздахъ надежные краулы,
Чтобы никто, а пуще изъ стрѣльцовъ,
Къ Петру, тайкомъ, пробраться не дерзали.
Старайтесь быть спокойными, сулите
Для храбрыхъ—милости, для трусовъ—казни,
И не жалѣйте денегъ да угрозъ.
Ступайте!

ШАКЛОВИТЫЙ.

Постараемся!

НАРБЕКОВЪ.

Дай Богъ
Тебѣ во всемъ желаннаго успѣха.
(*уходятъ*).

СОФЬЯ.

Еще не все потеряно! Съумѣю
Я удержать послушными стрѣльцовъ,
А съ ними можно до всего достигнуть;
И, знаетъ Богъ! Чья еще возьметъ.
(*входитъ истопникъ* **Евдокимовъ**)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

СОФЬЯ

Привелъ?

ЕВДОКИМОВЪ.

Привелъ!

СОФЬЯ.

Такъ позови сюда!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(*входятъ стрѣльцы*: **Обросимъ Петровъ, Андрей Кондратьевъ, Никита Гладкій, Стрижевъ, Тума,** *всего 10-ть человѣкъ.*

СОФЬЯ.

Вамъ вѣдомо, конечно, что вчера
Поѣхала я въ Лавру, чтобы съ братомъ
Во очью свидѣться и объяснить ему,
Что безъ причины онъ затѣялъ смуту,
Которая волнуетъ такъ Москву?

ПЕТРОВЪ.

Слыхали, Государыня!

СОФЬЯ.

Такъ знайте,
Что я едва живая добралась
Опять сюда. Въ Воздвиженскомъ, дорогой,
На насъ напало множество людей,
Вооруженныхъ съ головы до ногъ,
И мнѣ безчестьемъ пригрозить посмѣли,
Коль я поѣду дальше. Тамъ же, я
Узнала, что Нарышкины рѣшились
Царя Ивана извести; затѣмъ
И на меня, правительницу царства,
Кровавый замыселъ имѣютъ и хотятъ
Меня убить, а послѣ и до васъ,
За то, что вы столь много лѣтъ служили

Опорою правленья моего,
Хотятъ добраться и въ конецъ известь
Полки стрѣлецкіе. Напрасно мнятъ
Они свершить столь страшныя злодѣйства;
У насъ еще довольно вѣрныхъ слугъ
Въ Москвѣ осталось, съ честью постоите
Вы за царя Ивана и за насъ.

СТРѢЛЬЦЫ.

Приказывай, Царевна! За тебя
На смерть пойдемъ! Отъ насъ не жди измѣны!
Не выдадимъ! Съумѣемъ постоять!

СОФЬЯ.

Я вѣрю вамъ! Кому же мнѣ и вѣрить
Какъ не моимъ испытаннымъ слугамъ,
Которыхъ службу вѣрную съумѣю
Я наградить. На утро соберу
Я всѣ полки у Краснаго крыльца
И буду рѣчь сама держать имъ, вы же
Служите мнѣ по чести и постойте,
По прежнему, за правду и за насъ.

ПЕТРОВЪ.

Спокойна будь пресвѣтлая Царевна,
Не выдадимъ!

(*Софья стучитъ въ дверь. Постельница приноситъ на блюдѣ крестъ. Софья беретъ его въ руки*).

СОФЬЯ.

Чтобъ черная измѣна
Къ вамъ не подкралась въ души ненарокомъ,
Чтобы рѣшимость вашу закрѣпить
Божественною клятвой, такъ цѣлуйте
Вы, предо мной животворящій крестъ!
Цѣлуйте въ томъ, что вы не измѣните,
Но будете мнѣ вѣрны до конца,
Что до послѣдней капли вашей крови,
До самой смерти, будете служить
По чести и по правдѣ, что скорѣе

Вы, вашей смѣлою могучею рукой,
Зарѣжете дѣтей своихъ, чѣмъ въ Лавру
Перебѣжать рѣшитеся къ Петру.
Клянитеся!
(поднимаетъ руку съ крестомъ)

СТРѢЛЬЦЫ.

Клянемся!

СОФЬЯ.

Такъ цѣлуйте
Вы этотъ крестъ!

ПЕТРОВЪ *(подходитъ первымъ и цѣлуетъ крестъ)*

И помоги Господь
Намъ послужить опять тебѣ на пользу.
(остальные цѣлуютъ молча и отходятъ на прежнее мѣсто).

СОФЬЯ.

На утро соберите всѣ полки
Вы къ Красному крыльцу и ждите мирно,
Пока я выйду къ нимъ. Да если письма
Къ вамъ подошлютъ изъ Лавры, такъ не смѣть
Читать ихъ передъ съѣзжими, но тóтчасъ
Нести на Верхъ. Теперь, ступайте съ Богомъ!
Да сохранитъ Господь васъ, и да будетъ
Надъ вами сила чéстная креста,
Который вы на клятвѣ цѣловали.
Но горе тѣмъ, которые рѣшатся
Священной клятвѣ измѣнить, того
Проклянетъ Богъ и вѣчному мученью
Предастъ по смерти; на дѣтя́хъ дѣтей,
На всемъ потомствѣ вашемъ отразится
Проклятье Бога, если кто изъ васъ
Рѣшится измѣнить подобной клятвѣ.

СТРѢЛЬЦЫ.

Помилуй Богъ! Спаси насъ и помилуй!
Нѣтъ тяжелѣй грѣха, извѣстно всѣмъ!
Помыслить страшно!

СОФЬЯ.

Ну, ступайте съ Богомъ!
(стрѣльцы уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

СОФЬЯ *(одна)*

Съ крестомъ въ рукахъ, да съ горстью слугъ надежныхъ,
Хотя на смерть готова я идти!

СЦЕНА 2-я.

1 Сентября.

Площадь передъ Краснымъ крыльцомъ. Стрѣльцы и народъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Три торговца суконной сотни.)

ПЕРВЫЙ.

Пора бы ужъ святому патріарху,
На дѣйство многолѣтняго здоровья,
Съ соборомъ выйти.

ВТОРОЙ.

Никакого дѣйства
Не будетъ нынче. Развѣ ты не видишь:
Нѣтъ ни помоста предъ дворцомъ, ни мѣсто
Для Государей не устроено; должно быть
Не до того теперь.

ТРЕТІЙ.

Самъ патріархъ
У Троицы остался, видно тамъ
И новолѣтье возгласитъ, а здѣсь
Сойдетъ и такъ.

ДВА СТРѢЛЬЦА

ПЕРВЫЙ *(вполголоса)*

Слыхалъ? Сегодня ночью
Побольше сотни утекло стрѣльцовъ;
Да и изъ нашихъ тоже потянулись.

ВТОРОЙ.

Помалчивай! И мы не простаки.
Дай только высмотрѣть, а тамъ найдемъ
И для себя лазейку. Погляди,
Никакъ послы изъ Троицы? Изъ нашихъ!

ПЕРВЫЙ.

Нечаевъ со своими. Что то онъ
Привезъ отъ Государя.
(*показывается полковникъ* **Нечаевъ** *съ нѣсколькими стрѣльцами*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ГОЛОСА.

Эй, дорогу!
Изъ Троицы посолъ! Отъ Государя!
И грамоту привезъ! Дорогу дайте!
(*толпа разступается.* **Начаевъ** *подходитъ къ Красному крыльцу. Два стрѣльца, стоящіе на стражѣ у крыльца, скрещиваютъ передъ нимъ бердышы.*)

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ.

Откуда ты?

НЕЧАЕВЪ.

Я присланъ отъ Царя
И грамоту имѣю. Пропустите!

ТОТЪ-ЖЕ.

Не велѣно!

НЕЧАЕВЪ.

Такъ доложите сами.

ТОТЪ-ЖЕ.

Не наше дѣло! Намъ одинъ наказъ:
Не пропущать на верхъ—и не пропустимъ!
(*ходившій по верхней площадкѣ лѣстницы дьякъ останавливается*).

ДЬЯКЪ (*къ Нечаеву*)

Тебѣ что надо?

НЕЧАЕВЪ.

Доложи Царевнѣ,
Что присланъ я изъ Троицы Царемъ
И Государемъ нашимъ и имѣю
Съ собою грамоты.

ДЪЯКЪ.

Подай сюда!
Я отнесу ихъ самъ

НЕЧАЕВЪ.

Возьми, но только
Ты доложи Царевнѣ, что имѣю
Я передать ей Царскія слова,
Которые наказывалъ прекрѣпко
Мнѣ не забыть великій Государь.
(дъякъ уноситъ грамоту во дворецъ).

ОДИНЪ ИЗЪ СТРѢЛЬЦОВЪ.

Ну что у Троицы народу много?

НЕЧАЕВЕЦЪ.

Не сосчитать! Бояре, духовенство,
Самъ патріархъ, и нашихъ набралось.

ДРУГОЙ НЕЧАЕВЕЦЪ.

Эхъ не зѣвайте братцы, выйдетъ худо!
Сегодня позамедлите, а завтра,
Гляди, ужъ поздно будетъ. Не добромъ,
Такъ силой одолѣютъ.
(Показывается толпа стрѣльцовъ съ грамотами въ рукахъ и проталкивается ко дворцу).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ГОЛОСА.

Неси на Верхъ! Зачѣмъ? Наказъ Царевны!
Кто допустилъ предъ съѣзжими читать?
(съ верхней площадки сходитъ **Нарбековъ**).

НАРБЕКОВЪ.

Что тутъ за шумъ?

СТРѢЛЬЦЫ.

Указы отъ Царя!
Предъ съѣзжими прочитаны!

НАРБЕКОВЪ.

А кто
Читать позволилъ?

СТРѢЛЕЦЪ.

Мы того не знаемъ.

НАРБЕКОВЪ.

Давайте мнѣ.

СТРѢЛЬЦЫ.

На, отнеси; бери!
(**Нарбековъ** *беретъ грамоты и уноситъ во дворецъ*).

ОДИНЪ СТРѢЛЕЦЪ *(изъ принесшихъ грамоты)*

Прочитано указовъ было больше,
Да выдали не всѣ, а остальные
Попрятали по съѣзжимъ и хотятъ
Потолковать въ кругу между собою.
(Изъ дворца выходитъ **Софья**, *за ней* **Шакловитый, Нарбековъ, дъякъ** *и еще нѣсколько лицъ. За ними* **Обросимъ Петровъ** *съ 12 стрѣльцами разныхъ полковъ. Въ толпѣ водворяется тишина*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СОФЬЯ *(останавливается на верхней площадкѣ и обращается къ дьяку спокойно и гордо).*

Кто, говоришь ты, грамоту привезъ?

ДЪЯКЪ.

Нечаевъ со стрѣльцами.

СОФЬЯ.

Позови
Его сюда!
(**Нечаевъ** *входитъ на площадку безъ шапки, низко кланяется и останавливается на верхнихъ ступеняхъ лѣстницы*).

СОФЬЯ (*показывая грамоту*)

Ты отъ кого привезъ
Намъ эту грамоту?

НЕЧАЕВЪ.

Отъ Государя!

СОФЬЯ.

Отъ Государя? Отъ котораго? Ты знаешь,
Что ихъ на Царствѣ двое?

НЕЧАЕВЪ

Отъ Царя
Изъ Лавры Троицкой, гдѣ съ патріархомъ
Онъ пребывать изволитъ.

СОФЬЯ.

И ты знаешь,
Что въ грамотѣ написано?

НЕЧАЕВЪ

Извѣстно
Мнѣ, Государыня, о томъ. Самъ Царь
Мнѣ прочиталъ ее и повелѣлъ
Тебѣ сказать, чтобъ выдала ты намъ
Ослушниковъ наказа Государя,
Которые означены въ письмѣ.

СОФЬЯ.

Ослушниковъ? А вѣдомо-ль тебѣ,
Полковнику излюбленнаго войска,
Кто правитъ Царствомъ? (*Нечаевъ молчитъ*) Или позабылъ
Кому прямить ты клятвой обязался?
Ну, отвѣчай?

НЕЧАЕВЪ

Царямъ!

СОФЬЯ.

А кто за нихъ
Былъ избранъ всѣми править Государствомъ?

НЕЧАЕВЪ *(въ смущеньи)*

Ты, Государыня.

СОФЬЯ *(грозно)*

Такъ какъ же ты дерзнулъ,
Отъ имени лишь младшаго Царя,
Мнѣ передать неслыханную рѣчь
О выдачѣ ослушниковъ? Кого
Они ослушались? Кому должны
Они служить по правдѣ? Кто надъ ними
Имѣетъ власть? Холопъ презрѣнный!
Какъ ты осмѣлился съ подобной рѣчью
Предстать предъ очи наши? Какъ языкъ
Тебя послушался слова такія
Предъ нами вымолвить; и какъ ты смѣлъ
Твоимъ стрѣльцамъ дозволить разнести
По съѣзжимъ избамъ лживые указы,
Чтобы смущать достойныхъ нашихъ слугъ? *(Нечаевъ молчитъ)*
Молчишь? И нынѣ замолчишь на вѣки!
И эти дерзкія мятежныя слова
Послѣдними ты въ жизни произносишь.
Казнить его!

(**Петровъ** *въ двумя стрѣльцами берутъ* **Нечаева** *за руки и уводятъ во дворецъ.* **Софья** *спускается съ лѣстницы и останавливается на нижней площадкѣ подъ шатромъ).*

СОФЬЯ *(къ стрѣльцамъ и народу)*

Вы вѣрные, стрѣлецкіе полки,
Надёжа и опора Государства,
И ты народъ, который съ давнихъ лѣтъ
На царскій родъ взиралъ какъ на святыню,
Вы не смущайтесь лживыми рѣчами
Злодѣевъ дерзкихъ. Знаете вы всѣ,
Что въ смутную тяжелую годину
Самъ патріархъ съ соборомъ освященнымъ,
Бояре, власти, войско и народъ,
За малолѣтствомъ царскимъ, упросили
Меня принятъ правленья тяготы.
Я согласилась. Съ самой той поры
Я посвятила всѣ свои заботы
На управленье царствомъ, я старалась,

При помощи Господней, послужить
На пользу государству и достигла,
Чего сама не чаяла достичь.
Я водворила тишину повсюду;
Я заключила славный миръ
Съ сосѣднимъ государемъ; возвратила
Я древней Кіевъ русскому престолу.
Я правила семь лѣтъ—и всѣ согласно
Повиновались мнѣ; но не дремали
Мои враги, и нынѣ возмутили
Они царя Петра, внушивъ ему,
Что будто я, сестра его родная,
Его хотѣла извести. О Боже!
Я не повѣрила столь гнусной клеветѣ;
Я поспѣшила къ Троицѣ, чтобъ лично
Увидѣться мнѣ съ братомъ и ему
Открыть глаза на страшную неправду;
Но дерзкіе коварные враги
Не допустили насъ дойти до брата,
Остановили въ Вздвиженскомъ и мнѣ,
Правительницѣ царства и сестрѣ
Царей обоихъ, дерзостно рѣшились,
Какъ будто бы отъ имени Петра,
Повѣдать, чтобы я остановилась
И далѣе не шла, а то, ина́че,
Со мной поступлено нечестно будетъ!
Теперь прислали новаго гонца;
Вы слышали—моихъ надежныхъ слугъ,
Заступниковъ за ваши всѣ нужды,
Опору царства, называть дерзаютъ
Заводчиками умысла на жизнь
Царя Петра, и именемъ его
Потребовать ихъ выдачи рѣшились.
Въ своихъ дѣяньяхъ гнусныхъ позабыли,
Что братъ нашъ Петръ не царствуетъ одинъ,
Что правлю царствомъ я, и что еще
Живъ царь другой, царь старшій Іоаннъ,
Которому, когда еще вѣнчали
На царство ихъ обоихъ, положили
Быть старшимъ государемъ, и чтобъ онъ
Московскимъ царствомъ правилъ. О, я знаю,

Чего желаютъ дерзкіе: сперва
Они хотятъ казнить всѣхъ нашихъ слугъ,
Чтобъ послѣ и до насъ самихъ добраться.
Не головы ихъ ищутъ, а меня,
Да брата нашего, царя Ивана,
Хотятъ известь! Но не удастся имъ
Исполнить столь неслыханное дѣло.
Довольно слугъ у насъ, и не дадите
Вы насъ въ обиду. Съ помощію Бога,
Да съ вашей вѣрностью исконной, не допустимъ
Мы разразиться смутѣ и съумѣемъ
Вновь водворить порядокъ. Возвратитесь
Вы съ миромъ въ домы, ждите тамъ приказа,
Да не смущайтесь дерзкими рѣчами
И не ходите въ Лавру. Незабудьте,
Что ваши жены, дѣти и дома
Останутся въ Москвѣ, и что измѣна
Карается ужасно; не забудьте,
Что для измѣнниковъ, со всею ихъ породой,
Пощады нѣтъ! Ступайте по домамъ
И передайте вашимъ домочадцамъ
Вы отъ меня, да отъ царя Ивана,
Поклонъ и поздравленье съ новолѣтьемъ,
Которое, съ обычнымъ торжествомъ,
Намъ не привелъ Всѣвѣдущій Господь
На этомъ мѣстѣ совершить сегодня.
Ступайте съ Богомъ! (*къ Шакловитому*) А стрѣльцамъ прикажешь
Ты выдать погребъ, пусть себѣ во здравье
Повеселятся въ новолѣтья день.

СТРѢЛЬЦЫ.

Спасибо, Государыня, за милость!
За царское здоровье мы готовы
Не выходить изъ царскихъ погребовъ!
(*Софья со свитою уходятъ. Толпа медленно расходится*)

ДВА СТРѢЛЬЦА.

ПЕРВЫЙ (*вполголоса*)

Ты слышалъ?

ВТОРОЙ.

Слышалъ.

ПЕРВЫЙ.

Что-жъ теперь намъ дѣлать?

ВТОРОЙ.

Да тоже, что задумали доселѣ.

ПЕРВЫЙ.

Ну, а ребята съ бабой?

ВТОРОЙ.

Какъ стемнѣетъ,
Такъ приходи на Дуровскій задворокъ,
Тамъ побесѣдуемъ. А здѣсь не мѣсто
Болтать пустое.

ПЕРВЫЙ.

Ладно, я приду.
(*проходятъ*)

ГРУППА СТРѢЛЬЦОВЪ.

ПЕРВЫЙ.

Ужъ постоимъ за матушку-Царевну.
Не выдадимъ!

ВТОРОЙ.

Еще бы!

ТРЕТІЙ.

За нее
Стояли прежде, постоимъ и нынѣ. (*къ проходящимъ мимо стрѣльцамъ*)
А вы, козлы, что распустили нюни?
Аль въ головахъ ужъ мыслите о томъ,
Какъ бы скорѣй до Троицы добраться?

ОДИНЪ ИЗЪ ПРОХОДЯЩИХЪ.

Спроси свою! А мы вѣдь не ребята,
И сами поразмыслимъ, что намъ дѣлать;
Тебя не спросимъ.

ТРЕТІЙ.

Заячья порода!
За вашими полковниками, видно,
И вы готовы на утекъ. Козлы!
(*проходятъ*)

ДВА СТАРЫХЪ СТРѢЛЬЦА.

ПЕРВЫЙ.

Не мнѣ, съ моей сѣдою головою,
Царевнѣ измѣнять, а только плохо
Придется ей; съ такою мелюзгой
Не сваришь пива.

ВТОРОЙ.

Побѣгутъ, какъ псы,
Другъ передъ другомъ въ запуски.

ПЕРВЫЙ.

А намъ
Одинъ конецъ! И краше умереть
Подъ топоромъ, чѣмъ на печной лежанкѣ.
(*проходятъ*)

ТРИ СТРѢЛЬЦА ТИТОВА ПОЛКА.

ПЕРВЫЙ.

Воздастся коемуждо по дѣломъ его.
Дерзнула ты великихъ страстотерпцевъ,
Хранителей древлецерковныхъ правилъ,
Ревнителей божественныхъ писаній
И вѣры истинной, предать на казнь,—и нынѣ
Тебѣ самой отъ Бога воздаются
Твои дѣла.

ВТОРОЙ.

И праведенъ Господь!
Ты отреклась отъ истинныя вѣры
И, захвативши отроковъ-царей,
За Троицкія стѣны схоронилась;
Изъ Троицы и нынѣ указуютъ,
Чтобъ ты отъ власти царской отреклась.

ТРЕТІЙ.

Въ Воздвиженскомъ, болярина Ивана
Хованскаго на плаху обрекла,
И кровь его остановила нынѣ
Походъ Царевны.

ПЕРВЫЙ.

Все-же за нее
Стоять должны мы: къ древнему обычью
Она прилежнѣй будетъ, чѣмъ тотъ Царь,
Скомрашныхъ игрищъ, бѣсовскихъ затѣй,
Да нѣмчуры заморской покровитель.
(*проходятъ*)

МОЛОДОЙ СТРѢЛЕЦЪ (*выпивши. Поетъ*)

Эхъ, головушка моя да забубенная,
Эхъ, лебедушка моя да раззоренная!
Жить пожить не долго добру молодцу,
Съ чарой зелена вина помѣриться,
Къ молодой женѣ посадской присосѣдиться.
Эхъ гуляй, гуляй ты до поры, до времени,
На плечахъ доколѣ голова продержится!

ГОЛОСА.

Чего распѣлся! Ишь нашелъ гдѣ мѣсто!
Гоните вонъ!

МОЛОДОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Коли пьянъ—такъ скачи;
Коль дуракъ—такъ молчи;
Кто по брагѣ родня,
Тотъ не тронетъ меня!
(*скрывается въ толпѣ*)

ГРУППА ПОСАДСКИХЪ. *(три старика и два молодыхъ.)*

ПЕРВЫЙ.

Вотъ намъ и новолѣтіе. Бѣда,
Гдѣ баба замѣшается.

ВТОРОЙ.

Бывало,
Святѣйшій патріархъ, со всѣмъ соборомъ,
На этой площади обѣдню совершалъ,
И послѣ, съ поздравленьемъ государю,
Челомъ всѣ били, да и мы могли
Ему желать на много лѣтъ здоровья.
И міру царь, поклономъ величавымъ,
Отвѣтствовалъ душевно; и спокойно
Всѣ расходились, чтобъ снести семьѣ
Благословенье патріарха, да поклонъ
Великаго Царя и Государя.
А нынѣ что.

ПЕРВЫЙ.

Постыдно и сказать!

МОЛОДОЙ.

Вотъ баютъ, тятенька....

ПЕРВЫЙ.

А ты молчи!
Не суйся съ рѣчью глупою и слушай,
Коль старшіе бесѣдуютъ.

МОЛОДОЙ.

Простите-сь.
Я такъ, по глупости.

ПЕРВЫИ.

Ну, и молчи!

ВТОРОЙ.

Какое дѣло-то срамное, право!
Благочестиваго царя отроковица,
Забывъ дѣвичій стыдъ, передъ народомъ
Свое лице безстыже показуетъ
И рѣчь какую держитъ.

ПЕРВЫЙ.

Пусть болтаетъ.
Не долго промутитъ и съ этимъ стадомъ
Волковъ голодныхъ, къ мятежу обычныхъ.

ПЕРВЫЙ.

Давно пора бы ей въ монастырѣ
Свои грѣхи замаливать. Лишь былъ бы
На православномъ царствѣ государь;
А безъ царевны этой никогда
Не станетъ хуже.

МОЛОДОЙ СТРѢЛЕЦЪ *(въ глубинѣ сцены)*

Эхъ гуляй, гуляй ты до поры, до времени,
На плечахъ доколѣ голова продержится!
(хлопаетъ себя по ногамъ)
Ну вы, доморощенныя, донесите!

СЦЕНА 3-я.

6. Сентября.

Въ теремномъ дворцѣ. Вечеръ. За сценой слышенъ шумъ и говоръ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЕВДОКИМОВЪ.

Охъ плохо, плохо! Видно настаетъ
Другое время. На стрѣльцовъ надежды
Ужъ больше нѣтъ, всѣ къ Троицѣ бѣгутъ;
А вѣрныхъ слугъ Царевны похватали
И силой увели. Вчерашній день

Обросима Петрова изловили
И тоже потащили, а теперь
И Шакловитаго ужъ требуютъ, должно быть
Придется выдать и его Царевнѣ.
Ишь какъ шумятъ!
(*входитъ* Софья)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СОФЬЯ.

Гдѣ собрались они?

ЕВДОКИМОВЪ.

Здѣсь, подъ окномъ.

СОФЬЯ.

И много ихъ?

ЕВДОКИМОВЪ.

Довольно.

СОФЬЯ.

А между ними нѣтъ надежныхъ?

ЕВДОКИМОВЪ.

Нѣтъ!
Ты не сходи, Царевна, къ нимъ. Ина́че
Они ворвутся слѣдомъ за тобой.

СОФЬЯ. (*подходитъ къ окну и отворяетъ его*)

Что нужно вамъ? Какъ смѣете тревожить
Вы нашъ покой?

ГОЛОСА (*за сценой*)

За Шакловитымъ! Выдай! Указалъ
Его схватить великій Государь!

СОФЬЯ (*къ Евдокимову*)

Я выйду къ нимъ.

ЕВДОКИМОВЪ.

Охъ, лучше не ходи,
Пресвѣтлая Царевна! Ужъ они
Тебя не станутъ слушать; поклялися
Они его хоть мертваго достать.

СОФЬЯ (*въ окно*)

Какой указъ? Да хоть бы и съ указомъ,
Кто вамъ позволилъ лѣзть сюда гурьбой?
Пришлите выборныхъ! Лишь съ ними можно
Намъ рѣчь вести, а съ буйною толпой
Не говорятъ о дѣлѣ.

ГОЛОСА.

Ладно, можно!
Сейчасъ пришлемъ!

СОФЬЯ (*къ Евдокимову*)

Скажи, чтобъ пропустили
Ихъ къ намъ сюда.

ЕВДОКИМОВЪ,

Не нужно-ль упредить
Боярина, быть можетъ онъ, охотой,
Къ нимъ выйдетъ самъ?

СОФЬЯ.

Не нужно! Впрочемъ, послѣ,
Какъ впустишь ихъ, сходи и пригласи
Боярина, пусть постоитъ за дверью
И слушаетъ, но къ намъ бы не входилъ.
Я усмирить надѣюсь ихъ и знаю,
Какъ говорить мнѣ съ ними надлежитъ.
(*Евдокимовъ уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

СОФЬЯ.

Не разъ я рѣчью вразумляла ихъ;
Да укрощу и нынѣ. Ну, а если

Они меня не станутъ больше слушать;
Что предпринять? Не можетъ быть! Еще
Я говорить не разучилась съ ними,
И не дерзнутъ ослушаться меня.

(входятъ семь человѣкъ старыхъ стрѣльцовъ. Евдокимовъ запираетъ за ними дверь. Стрѣльцы кланяются и останавливаются у дверей).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СОФЬЯ.

Зачѣмъ пришли?

СТРѢЛЕЦЪ.

По твоему наказу.
Мы выборные.

СОФЬЯ.

Кто же вамъ дозволилъ,
Ночной порой нашъ отдыхъ безпокоить
И заводить здѣсь шумъ?

ВТОРОЙ.

Мірское дѣло!
Указъ Царя!

СОФЬЯ.

Давно-ли къ вамъ указы
Помимо насъ ужъ стали разсылать?

ПЕРВЫЙ.

Не наше дѣло!

ТРЕТІЙ.

Выбраны мы съ тѣмъ,
Чтобы, согласно царскому указу,
Намъ Шакловитаго добыть, а послѣ
Его къ Царю должны мы отвести.

СОФЬЯ.

А что онъ сдѣлалъ? Гдѣ его вины?
Прописаны они въ указѣ вашемъ?
Объявлены? Оглашены дъяками?

ВТОРОЙ.

Не наше дѣло! Сказано привесть.
Тамъ разберутъ.

СОФЬЯ.

Не выдамъ я напрасно
Достойнѣйшаго царскаго слугу.
Ступайте прочь! И передайте всѣмъ,
Чтобъ по домамъ спокойно расходились
И ждали бы обычнаго наказа
Лишь отъ властей стрѣлецкихъ да отъ насъ
И старшаго Царя и Государя,
А не изъ Троицы. Стрѣльцамъ извѣстно
Кто правитъ царствомъ, и должны покорно
Вы лишь мои указы исполнять.
Ступайте!

ТРЕТІЙ.

Нѣтъ! Нельзя! Мы не уйдемъ!
Намъ данъ наказъ не иначе вернуться,
Какъ съ Шакловитымъ.

СОФЬЯ.

Что! И ты дерзаешь
Мнѣ отвѣчать!

ТРЕТІЙ.

Не я одинъ, Царевна.
Не въ правѣ мы не исполнять того,
На что насъ выбрали. Нельзя никакъ
Намъ безъ боярина народу показаться;
Насъ не послушаютъ.

ПЕРВЫЙ.

Прости, Царевна,
Что я тебѣ скажу. Ты не гнѣвись

На насъ напрасно. Знаешь ты сама,
На что способны буйные стрѣльцы,
Когда они на что нибудь рѣшатся.
Мы порѣшили всѣ единогласно
Исполнить точно волю Государя
И выдать Шакловитаго. Напрасно
Ты станешь намъ перечить, не властна
Ты силою боярина укрыть,
Такъ лучше выдай намъ добромъ, иначе,
Не ладно станетъ, если вдругъ стрѣльцы
Въ хоромы вломятся.

СОФЬЯ.

А кто-жъ дерзнетъ
Ворваться силой во дворецъ Царей?

ПЕРВЫЙ.

Посмѣютъ Государыня... бывало...
Не въ первый разъ, ты вѣдаешь сама.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Не прогнѣвись, Царевна, на меня,
А только я скажу тебѣ по правдѣ,
По истинѣ святой, ты не противься
Желанью нашему, не доводи
До мятежа ночнаго, уступи
И выдай намъ боярина. Ручаюсь
Тебѣ своей сѣдою головой,
Что мы его въ сохранности доставимъ
Куда велятъ, а иначе бѣда
Коль ты учнешь противиться, ворвутся
Сюда стрѣльцы, тогда, ночной порой,
Не остановишь долго ихъ, дойдетъ
До боя смертнаго, и много крови
Прольется неповинной во дворцѣ.
Прости насъ, Государыня, и выдай
Ты намъ добромъ боярина.

ВТОРОЙ.

Повѣрь,
Что безъ него сегодня изъ Кремля

Стрѣльцы не выйдутъ. Такъ или иначе
Онъ будетъ нашъ, въ томъ порѣшили всѣ.

СОФЬЯ.

И вамъ не жаль того кто и для васъ,
Такъ потрудился много. Или вы
Безумнымъ слухамъ вѣрите?

ПЕРВЫЙ.

Не слухамъ,
А правдѣ Государыня. Я видѣлъ самъ
Царя Петра—съ нимъ: патріархъ, бояре,
Стрѣльцы, солдаты, иноземные полки
И множество народа, у тебя-же
Нѣтъ никого вокругъ. Не задержи
Ты долго насъ, а то, неровенъ часъ,
Надумаютъ недоброе; ты слышишь,
Какъ начали шумѣть, ужъ прикажи
Ты выдать намъ боярина, иначе
Не можемъ мы ручаться ни за что.

СОФЬЯ.

Кондратій!
(входитъ Евдокимовъ)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ЕВДОКИМОВЪ.

Что прикажешь?

СОФЬЯ

Позови
Сюда боярина.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ШАКЛОВИТЫЙ *(входитъ изъ другихъ дверей)*

Я здѣсь, Царевна!
Что приказать изволишь?

СОФЬЯ.

Вотъ, пришли....
И требуютъ тебя....

ШАКЛОВИТЫЙ.

Я слышалъ все,
Что говорить изволила ты съ ними.
Господня воля! Видно наступилъ
Мой смертный часъ, его же не минуешь.
Прости, Царевна! Обѣщалъ предъ Богомъ
Я до конца служить тебѣ по правдѣ,
И честно я исполнилъ обѣщанье,
И нынѣ, для покоя твоего,
Я отдаюсь имъ самъ, пускай ведутъ,
Куда вести имѣютъ указанье.
Прими, Царевна, мой земной поклонъ
За царскія твои благодѣянья,
Которыми ты вѣрнаго слугу
Не по его заслугамъ награждала.
Ты часто Государыня, бывало,
Твоей рукой, за службишку мою,
Меня казной да честью одѣляла,
Не откажи же въ милости послѣдней
И царской, милосердною рукой
Благослови на смертныя страданья
Ты твоего послѣдняго слугу.
(*становится на колѣни*)

СОФЬЯ (*въ волненіи кладетъ ему руки на голову*)

Прости, бояринъ! Нѣтъ, не ожидала
Я для тебя столь тяжкаго конца.
Ты послужилъ мнѣ честно, но напрасно
Я думала.... Благослови Господь
Тебя своимъ.... да осѣнитъ покровомъ
Тебя Владычица... да дастъ она тебѣ....
Да ниспошлетъ.... (*поднимаетъ руки къ небу*) О Боже милосердый
Ты вѣдаешь, что дѣется во мнѣ.

ШАКЛОВИТЫЙ (*цѣлуетъ у Софьи руку и встаетъ*)

Прощай, Царевна! Больше, въ этомъ мірѣ,
Мнѣ не придется послужить тебѣ;

Но понесу, съ твоимъ благословеньемъ,
Я смѣло голову свою на казнь.
Дай Богъ тебѣ здоровья! Я-жъ готовъ
Теперь на все! Идемте! Лишь отъ Бога
Я ожидаю правды, а отъ нихъ
Мнѣ только смерть за милость счесть придется!
(*уходитъ окруженный стрѣльцами*)

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ (*въ смущеньи*)

Прощенья просимъ, Государыня.

СОФЬЯ (*махнувъ рукой*)

Ступайте!
(*всѣ уходятъ. Софья подходитъ къ окну и смотритъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ.

Давай сюда! Тащи! Не тронь!
Ведите къ Троицѣ! Идемте всѣ! Идемъ!
(*слышенъ шумъ удаляющихся стрѣльцовъ*)

СОФЬЯ.

Все рушится... все гибнетъ... все бѣжитъ...
Все измѣнило! (*отходитъ отъ окна*) Боже всемогущій!
Владычица! Святители Благіе!
На васъ однихъ надежда, вразумите—
И силою небесной помогите
Мнѣ удержать разшатанную власть!
(*уходитъ*)
(*изъ другой двери входитъ Шутъ*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ШУТЪ.

Эхъ, никакъ, Царевна,
Пѣсенка твоя

До конца ужъ спѣта,
Бѣдная моя!

—

Было, было тѣсно въ теремѣ,
Нынѣ сталъ пустырь;
Ждетъ, пождетъ молодку мо́лодецъ,
А Царевну—монастырь.

Здѣсь шутки кончены, а тамъ, у Троицы, тоже плохія шутки зачинаются: до костей и до головъ добираются. Я хоть только шутилъ, да порою и миромъ мутилъ. Какъ провѣдаютъ—не погладятъ, пожалуй и на колесо посадятъ. Надо пораздумать куда бы удрать! (*думаетъ*)

Побѣгу къ полякамъ,
Тамъ шуты въ ходу,
Тамъ себѣ я мѣсто,
Теплое найду!

КОНЕЦЪ IV-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ V.

Въ 1699 году.

ЦАРЕВНА СОФЬЯ—въ иночествѣ Сусанна.
МАТЬ ВАРСОНОФІЯ—игуменья Новодѣвичьяго монастыря.
ПОСЛУШНИЦА.

(*Келья царевны Софьи въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ. Съ боку въ глубокой нишѣ окно невидное со сцены. Зимній, лунный вечеръ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СОФЬЯ.

Какіе дни ужасные настали,
Какъ долго, долго тянутся они
И нѣтъ конца имъ. Тишина вокругъ,
Въ обычный часъ лишь звономъ колокольнымъ
Тоскливо нарушаемая. Словно тѣни
Скользятъ монахини изъ келій въ храмъ
И снова въ кельи. Я же не могу
Искать въ молитвѣ только утѣшенья.
Я жить хочу! Я царствовать могла бы
Надъ нашимъ, собраннымъ вѣками, царствомъ
И раздѣлять заботы власти съ нимъ,
Съ моимъ Васильемъ ненагляднымъ. Да,
Я жить хочу! Зачѣмъ меня здѣсь, въ кельи,
Въ темницѣ душной, держатъ взаперти.
Я не могу здѣсь жить! Мнѣ душно, тяжко!
Меня томитъ безвременный покой
И тишина подобная могилѣ.
Я предпочла бы смерть. Одна надежда,
Безумная, ничтожная, пустая,
Но все таки возможная, въ меня
Вселяетъ бодрость, и даетъ менѣ силы
Терпѣть и ждать, а не кончать скорѣй
Съ такой безплодной, монастырской жизнью.

Вѣдь жизнь царя, какъ жизнь человѣка,
Отъ воли Господа вполнѣ зависитъ. (*ходитъ*
Онъ побѣдилъ! Какъ стадо безсловесныхъ
Предъ нимъ народъ смирился, а стрѣльцы,
Что́ вздумали противиться, посмѣли
Его права оспаривать, за то
И жизнью поплатились. Въ страшныхъ мукахъ,
Истерзанные пыткою, сложили
Они головушки свои и кровью
Смочили землю. Или вонъ, какъ тѣ, (*указываетъ на окно*)
Висятъ высоко надъ землей, и птицы
Клюютъ ихъ очи, да холодный вѣтеръ
Имъ сушитъ мозгъ и медленно, какъ червь,
Ихъ тѣло обращаетъ въ прахъ ничтожный,
Которымъ все кончается.*) Ты думалъ
Ихъ видомъ страшнымъ запугать меня
И тѣмъ, какъ вновь придуманною пыткой,
Въ конецъ измучить, и скорѣй свести
Меня въ могилу, чтобъ затѣмъ ужъ могъ
Ты успокоиться вполнѣ. Ты не посмѣлъ
Меня казнить, какъ русскую царевну,
Но выдумалъ иное. Ты хотѣлъ
Меня замучить страхомъ тѣхъ видѣній,
Который, мнилъ ты, вызвать и развить
Въ моей душѣ, какъ плодъ: воображенья,
Ночей безсонныхъ, праздности, тоски,
Безсильной ярости да вѣчнаго качанья
На висѣлицахъ вѣрныхъ слугъ моихъ.
Ты челобитныя вложилъ имъ въ руки
И протянулъ ихъ къ моему окну.....
Напрасенъ трудъ! Меня не истомишь
Подобной шуткой дьявольской, довольно
Я видѣла ихъ на своемъ вѣку.
Когда еще ты былъ ребенкомъ малымъ,
А я дѣвицей юной, ужъ тогда

---

*) По окончаніи розыскнаго дѣла о послѣднемъ стрѣлецкомъ бунтѣ, въ числѣ массы казненныхъ, 230 стрѣльцовъ было повѣшено на Дѣвичьемъ полѣ передъ Новодѣвичьемъ монастыремъ, а три стрѣльца были, по приказанію Петра, повѣшены передъ самымъ окномъ кельи Софьи, причемъ въ руки ихъ были вложены челобитныя, которыя они намѣревались подать Софьѣ. Тѣла этихъ стрѣльцовъ были сняты съ висѣлицъ только чрезъ пять мѣсяцевъ. (См. Ист. Рос. Соловьева Т. 14.)

Лилася кровь предъ нашими глазами
И казнь за казнью слѣдовала. Мы,
Мы дѣти одного отца—и ровно
Господь насъ силой воли одѣлилъ. (*Смотритъ въ окно*)
Мнѣ жалко ихъ; но, сознаюсь, порой,
Въ ночную тишь, при обликѣ луны,
Они меня пугаютъ. Ихъ тѣла
Со скрипомъ висѣлицъ качаясь мѣрно,
Движенья рукъ, бумаги шелестъ, все,
Наводитъ ужасъ. Отвернешь лицо,
Засядешь въ уголъ дальній и закроешь
Платкомъ глаза, но чей-то тайный голосъ
Все шепчетъ неустанно: оглянись,
Смотри, взгляни, и взглянешь,—и невольно
Отъ ужаса похолодѣетъ кровь,
Застынетъ въ жилахъ, но затѣмъ мгновенно
Ударитъ въ сердце; хочется бѣжать,
Но головы не слушаются ноги,
И дыбомъ волосъ встанетъ, и на лбу
Холодный потъ вдругъ выступитъ. Ужасно! (*прислушивается*)
Эй, кто тамъ ходитъ?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

(*входитъ*) **ПОСЛУШНИЦА.**

Это я.
Что приказать изволишь?

СОФЬЯ.

Гдѣ Лукерья?

ПОСЛУШНИЦА.

Да разнедужилась, лежитъ съ утра
Въ больничной горенкѣ, а мнѣ, сегодня,
Честна́я мать игуменья велѣла,
Въ Лукерьи мѣсто, быть здѣсь у тебя
И исполнять, что приказать изволишь.

СОФЬЯ.

Ты здѣсь давно? Тебя я не видала.

ПОСЛУШНИЦА.

Да не могла и видѣть. Я хотя
Давно въ монастырѣ, но здѣсь недавно,
Всего два года только, да изъ нихъ
Почти все время по святымъ мѣстамъ
Да по Руси́ родимой побиралась
На нужды монастырскія.

СОФЬЯ.

Давно
Ты возвратилась?

ПОСЛУШНИЦА.

Нѣтъ недавно, съ мѣсяцъ.

СОФЬЯ.

Что-жъ на Руси́ спокойно?

ПОСЛУШНИЦА.

Слава Богу,
Поуспокоились. Теперь идетъ расправа,
И много душъ погибло.

СОФЬЯ.

Неужѐли
То правда , что стрѣлецкіе полки
Всѣ будутъ уничтожены?

ПОСЛУШНИЦА.

Не знаю.
А только казни каждый день идутъ
И по Москвѣ, у всѣхъ воротъ на зубъяхъ,
Торчатъ, какъ пни, головушки стрѣльцовъ.
Считать захочешь—въ день не перечтешь,
Такъ много сгибло.

СОФЬЯ

Что же остальные
Глядятъ спокойно?

ПОСЛУШНИЦА.

Царскому приказу
Послушны всѣ. Кому-жъ судить Царя?
Онъ знаетъ самъ, что дѣлаетъ, ему
Предъ Господомъ лишь отвѣчать придется
Въ своихъ дѣлахъ.

СОФЬЯ.

Но все таки народъ
Промежъ себя о чемъ нибудь толкуетъ?
Его же дѣти гибнутъ въ мукахъ. Что же
Онъ говоритъ? Не ропщетъ, не тоскуетъ
О прежнемъ времени привольномъ? Иль ему
Такъ по душѣ пришлись всѣ эти казни,
Что ужъ спокойно онъ на нихъ глядитъ?

ПОСЛУШНИЦА.

Народъ молчитъ.

СОФЬЯ,

И даже не вспомянетъ
Иныхъ временъ?

ПОСЛУШНИЦА.

Не знаю, не слыхать.

СОФЬЯ (*подходитъ ближе*)

А обо мнѣ не вспоминаютъ? Нѣтъ?
Совсѣмъ забыли?

ПОСЛУШНИЦА.

Какже, иногда,
И вспоминаютъ. Времени немного
Прошло съ тѣхъ поръ....

СОФЬЯ (*перебивая*)

Что-жъ слышала; скажи?

ПОСЛУШНИЦА.

Да вспоминаютъ разно.

СОФЬЯ.

Что-жъ жалѣютъ
Меня иль нѣтъ? Жалѣютъ? Отвѣчай!

ПОСЛУШНИЦА.

Да, и жалѣютъ; какже не жалѣть!
Вѣстимо—послѣ царскаго покоя
Да къ кельѣ монастырской не легко
Тебѣ привыкнуть было.

СОФЬЯ.

Разскажи,
Что говорили про меня въ народѣ,
Когда и гдѣ; мнѣ хочется узнать
Все по порядку. (*подходитъ еще ближе*) Говори, не бойся!
Здѣсь никого нѣтъ. Я же для тебя,
Я ничего, что есть не пожалѣю
За вѣсти добрыя. Ну говори скорѣй!

ПОСЛУШНИЦА.

Изволь, Царевна, разскажу.

СОФЬЯ (*прислушивается*)

Змѣя!
А, понимаю васъ! Лазутчица! (*быстро подходитъ къ двери и отворяетъ ее. Въ дверяхъ показывается смущенная игуменья*).
Ты что же
Изволила тутъ дѣлать у дверей?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ИГУМЕНЬЯ (*оправившись, спокойно входитъ въ келью*)

Господь помилуй грѣшныхъ насъ. Я шла
Къ тебѣ, сестра Сусанна, опросить
Здорова ли? По царскому наказу
Я каждый день должна быть у тебя,
И царскому Величеству подробно
О всемъ, что знаю, доносить.

СОФЬЯ.

Змѣя!
Подслушивать хотѣла! Подослала
Ты подъ меня лазутчицу и знала,
Что я съ тоски безмолвія легко
Готова съ нею разболтаться. Вышли
Ее скорѣе вонъ! Чтобъ никогда
Она ко мнѣ ужъ больше не посмѣла
Придти сюда.

(Игуменья дѣлаетъ знакъ головою, послушница уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ИГУМЕНЬЯ.

Смирись, сестра Сусанна!
Смиренье долгъ для инокинь, для насъ.

СОФЬЯ.

Я не Сусанна, я царевна Софья,
Я дочь покойнаго Великаго Царя,
Я родилася ею—и умру
Все той же Софьей!

ИГУМЕНЬЯ.

Иноческій чинъ
Ты воспріяла и должна покорно
Быть нашему уставу, а не то
Онъ мѣры строгости намъ разрѣшаетъ
И власть карать даетъ мнѣ.

СОФЬЯ.

Никогда,
Я не давала клятвы отреченья
Отъ свѣта бѣлаго, и силою нельзя
Творить монахинь! Богъ вѣдь принимаетъ
Лишь клятвы добровольныя, а вы,
Вы силою меня постригли. За меня
Ты говорила клятвы и отвѣтишь
Лишь ты за нихъ, да тотъ, кто приказалъ
Вамъ сотворить, надъ старшею сестрою,

Такое дѣло низкое. Напрасно
Ты хочешь запугать меня уставомъ;
Не смѣешь ты, безъ вѣдома Царя,
И слово лишнее со мною перемолвить;
А у него придуманъ для меня
Другой уставъ построже монастырскихъ.
Вонъ полюбуйся! *(показываетъ на окно)* Подойди поближе,
Коль смѣлости найдется. Посмотри!

ИГУМЕНЬЯ.

Неужели и видъ этихъ несчастныхъ,
Изъ за тебя замученныхъ, не въ силахъ
Тебя смирить. Сегодня, до вечерни,
Меня, предъ очи свѣтлыя свои,
Призвалъ Великій Государь и долго
Онъ о тебѣ бесѣдовалъ со мной.

СОФЬЯ.

Не вздумалъ-ли сослать меня подальше,
Чтобъ тамъ безъ шуму порѣшить со мной?
Иль захотѣлъ и здѣсь меня казнить?
Готова я на все!

ИГУМЕНЬЯ.

Нѣтъ, не казнить
И не ссылать тебя онъ хочетъ. Тяжко
Ему съ тобой такъ строго обращаться.
Онъ скорбенъ былъ; онъ говорилъ со мной
Съ великою печалью. Тяжело
На душу царскую, еще столь молодую,
Ложится кровь людская, и порой
Раздумье тяжкое имъ такъ овладѣваетъ,
Что даже санъ царя его томитъ.
Онъ говорилъ, что онъ готовъ охотно
Съ тобою помириться; что готовъ
Онъ дать тебѣ свободу, предложить
Тебѣ на выборъ женскій монастырь,
Въ которомъ ты могла бы жить царевной,
Какъ слѣдуетъ по роду твоему.
Онъ для тебя не пожалѣетъ денегъ,
Онъ окружитъ тебя почетомъ, лишь бы ты

Ему съ священной клятвой обѣщалась
Жить въ мирѣ, честно, кротко, навсегда
Отъ замысловъ преступныхъ отказаться
И инокини чина не снимать.

СОФЬЯ.

И ты взялась меня уговорить,
Чтобъ я подъ клятвой страшной, добровольно,
Отъ правъ своихъ законныхъ отреклась,
За пышную темницу отказалась
Отъ жизни всей. Да гдѣ тебѣ, холопкѣ,
Меня понять!

ИГУМЕНЬЯ.

Хотя холопка я,
Но ужъ давно живу на бѣломъ свѣтѣ
И знаю многое. Нашъ древній родъ
Князей Касаткиныхъ и самъ когда то правилъ
Ростовскимъ княжествомъ, и съ той поры понынѣ
Князьямъ Московскимъ служитъ да Царямъ.
Я знаю всѣ права ихъ, никогда
На царствѣ русскомъ не сидѣли бабы,
И правъ твоихъ не вѣдаетъ никто.
Нашъ государь законный, сынъ царя
И самодержца Руси Алексѣя,
Царь Петръ Алексѣичъ; за него
Права исконныя и предковъ царскій родъ,
И милость Божія.

СОФЬЯ.

А за меня народъ!

ИГУМЕНЬЯ.

Какой народъ? Стояли за тебя
Одни стрѣльцы, за то что потакала
Ты ихъ безумству дерзкому. Народъ
Молчалъ и ждалъ, а нынѣ преклонился
Передъ царемъ законнымъ; о тебѣ-жъ
Сталъ говорить, что ужъ давно бы нужно
Тебя отправить было въ монастырь.
Смирись, сестра Сусанна. Можетъ быть

Тебѣ на свѣтѣ долго жить осталось,
Такъ не губи себя напрасно, обрати
Ты душу грѣшную на подвиги добра,
На жизнь иную по завѣту Бога,
На утѣшенье страждущихъ, на все,
На что насъ чинъ монашескій обрекъ.

СОФЬЯ.

Коль ты посолъ Царя, коль въ правду онъ
Тебя прислалъ со мной переговоры
Отъ имени его вести, такъ отнеси
Ты мой отвѣтъ послѣдній. Никогда
Ему не покорюсь я! Никогда
Ни каятся, ни клястся я не буду,
И симъ путемъ я не куплю себѣ
Спокойствія. Коль онъ меня постригъ,
Коль онъ и имя самое мое,
Которымъ царь отецъ нашъ при крещеньи
Меня нарекъ, отнять не постыдился,
Такъ пусть же онъ и правитъ за меня
Уставъ монашескій. Пусть держитъ взаперти
Меня какъ птицу въ клѣткѣ, окружаетъ
Меня лишь тѣми, кто ему вѣрны
Да слѣпо преданы, пусть дѣлаетъ со мной
Все, что захочетъ, что посмѣетъ,—я же,
Я добровольно никогда ему
Не покорюся. Вотъ вамъ мой отвѣтъ!
Каковъ сегодня онъ тобой услышанъ,
Таковъ онъ будетъ завтра и всегда!
Теперь ступай, оставь меня одну;
Мнѣ больше не о чемъ съ посломъ царя и брата
Весть разговоръ. Ступай!

ИГУМЕНЬЯ.

Я все сказала,
Что повелѣлъ сказать мнѣ Государь;
Не отклоняй безумно предложеній
Ты Самодержца, брата твоего.
Подумай хорошенько, поразмысли
Въ тиши ночной, въ безмолвьи гробовомъ;
Смирись душой, предъ Господомъ склонися,

Владычицѣ Пречистой помолися,
Да осѣнятъ они твой гордый умъ
И тихое смиренье ниспошлютъ
На душу грѣшную и суетное сердце,
Влекущее тебя на ложный путь.
Прощай, сестра Сусанна! Надъ тобою
Да будетъ Божіе благословенье. Ночь,
Раздумье и горячая молитва
Да ниспошлютъ тебѣ благой совѣтъ.
(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

СОФЬЯ.

Черезъ нее, тюремщицу мою,
Сулитъ мнѣ братъ прощенье и свободу
За отрѣченіе отъ замысловъ моихъ.
Свободное житье! Да развѣ можно,
Да развѣ мыслимо когда нибудь оно
Подъ черною повязкою отшельницъ,
Отъ міра отказавшихся на вѣкъ.
Нѣтъ, мнѣ не нужно эдакой свободы!
Я иначе привыкла жить, и то,
Что мнѣ сулятъ меня не успокоитъ.
Мнѣ монастырь останется тюрьмой,
Такъ пусть же будетъ для меня могилой,
Чѣмъ теремнымъ, затворничьимъ дворцомъ.
Промаюсь съ мѣсяцъ можетъ быть и больше,
Но все таки не долго, а затѣмъ
И въ царство вѣчное, гдѣ всѣ равны предъ Богомъ,
Гдѣ нѣтъ ни власти царской, ни борьбы,
Гдѣ всѣмъ отвѣтъ отдать въ дѣлахъ придется.
(*садится на кровать*).
Недужится мнѣ что-то; не могу
Привыкнуть къ одиночеству да къ этимъ (*указываетъ на окно*)
Безмолвнымъ собесѣдникамъ моимъ,
Которыхъ видъ въ меня вселяетъ ужасъ.
Вы измѣнили мнѣ; вы не рѣшились
Меня во врѣмя, дружно поддержать
Въ борьбѣ съ Петромъ. Не догадались видно,

Что вмѣстѣ съ страшной гибелью моей
И вашъ конецъ наступитъ неизбѣжно.
Вы спохватились поздно и напрасно;
Вамъ стало жаль покинутыхъ домовъ,
Вы вспомнили былое, порѣшили
Въ Москву за мной вернуться—и вернулись
Лишь для того, чтобы задать работу
На цѣлый годъ Московскимъ палачамъ.
Васъ раздавили разомъ, и въ грядущемъ
Ужъ никогда Москвы колокола
Не призовутъ стрѣлецкіе полки
На избавленье ихъ царевны Софьи.
Все и для васъ окончено. На вѣкъ
Замолкли ваши вѣщіе уста,
Которыхъ рѣчь, какъ молотъ отдавалась
Въ испуганныхъ, трепещущихъ сердцахъ
Сторонниковъ Нарышкиной породы. (*ложится*)
Опять пойдетъ тянутся безконечно
Безмолвная, убійственная ночь,
И станутъ думы думами смѣняться,
И прежнее, былое возраждаться
Въ моей душѣ свободной... теремъ... тронъ...
Волненія народныя.... походы....
Пріемъ пословъ... и сыпанье наградъ....
(*раздается бой часовъ. Софья поспѣшно приподнимаясь*)
Что это? Звуки прежнія? Набатъ? (*прислушивается*)
Нѣтъ, мѣрный бой часовъ. О Боже, Боже,
Какія грезы; нѣтъ душѣ покоя;
Пошли мнѣ сонъ, будь милостивъ Господь. *)
(*ложится*)

(*Продолжается мѣрный бой часовъ. Слышенъ скрипъ висѣлицъ. Занавѣсъ медленно опускается.*)

КОНЕЦЪ.

---

*) Царевна Софья была заключена въ Новодѣвичій монастырь въ 1689 году, пострижена тамъ же подъ именемъ Сусанны въ 1698 году и умерла въ 1704 году, пробывъ въ монастырѣ четырнадцать лѣтъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ИЗЪ
ВОЛЖСКИХЪ ПРЕДАНІЙ

I.

КОРОМЫСЛОВА БАШНЯ.

1.

Тамъ, гдѣ въ Волгу Ока, нашей Руси рѣка,
Свои тихія воды вливаетъ,
И весенней порой, быстротечной волной,
Далеко берега заливаетъ;

Тамъ, татарамъ на страхъ, на высокихъ горахъ
Нижній Новгородъ былъ заложёнъ;
Былъ церковный соборъ, княжій теремъ и дворъ
Деревянной стѣной обнесенъ.

Но изъ бревенъ стѣна не прочна, не страшна,
И не мало ветшала съ годами,
И не разъ отъ огня пострадала она,
И не разъ разорялась врагами;

И притомъ, каждый годъ, прибавлялся народъ,
Изъ другихъ городовъ выселялись,
Да плодились свои, да изъ русской земли
Люди ратные къ князю сбирались;

Такъ что старой стѣны, въ дни осадной войны,
Не хватало для общей защиты,
И не разъ отъ враговъ, при пожарѣ домовъ,
Было много народу побито.

Князь дружину собралъ и совѣтъ съ ней держалъ,
Какъ бы стѣны прочнѣе устроить;
И рѣшили одно, что пора бы давно
Ихъ изъ прочнаго камня построить;

Да въ подземный тайникъ отвести тотъ родникъ,
Что течетъ по горѣ за стѣною,
Для того чтобы всѣхъ, въ дни кровавыхъ потѣхъ,
Могъ съ избыткомъ снабжать онъ водою.

Порѣшили—и князь въ тоже утро приказъ
Разослалъ въ города и селенья,
Чтобы черный народъ, послѣ лѣтнихъ работъ,
Собиралъ бы повсюду каменья;

Собиралъ по полямъ, по лѣсамъ, по лугамъ,
А зимой подвозилъ постепенно;
И разсчетъ былъ таковъ, чтобы на пять дворовъ
По сажени пришлось непремѣнно.

А съ торговыхъ людей, да заѣзжихъ гостей
Сдѣлать сборъ по другому разсчету,
И тѣ деньги хранить и изъ нихъ заплатить
Мастерамъ за труды и работу.

Наступила весна; зеленѣла сосна,
Таялъ снѣгъ, и земля почернѣла;
Ночью тронулся ледъ, а ужъ къ утру зоветъ
Князь людей приниматься за дѣло.

Собрались—и пошли, и стѣну обошли,
Толковали и спорили въ пору,
Отъ однихъ получили разумный совѣтъ,
Отъ другихъ понаслышались вздору.

Наконецъ, толкованье и споръ порѣшивъ,
Какъ имъ стѣны провесть согласились,
И канавой потомъ обвели ихъ кругомъ,
Чтобъ рабочіе люди не сбились.

—Ну теперь,—молвилъ князь,—скоро будетъ у насъ
Попросторнѣй въ осадную пору,
И гораздо труднѣе врагамъ одолѣть
Укрѣпленную камнями гору.

Завтра вы, мастера, не лѣняся, съ утра,
На работу кремля выходите,
И вонъ тамъ, у угла, гдѣ дорога была,
Вы закладывать башню начните.

—Такъ-то такъ, только, князь, есть обычай у насъ,
Что велитъ зарывать безъ пощады
Всѣхъ, кто первымъ пройдетъ, въ день начала работъ,
Тамъ, гдѣ стѣну закладывать надо.

Тотъ обычай не вздоръ, онъ идетъ съ давнихъ поръ,
Самый Новгородъ тѣмъ вѣдь и крѣпокъ,
Что подъ башней одной, за Софійской стѣной,
Тамъ зарытъ былъ одинъ малолѣтокъ.

Ужъ кому суждено, тотъ пройдетъ, все равно
Будь то звѣрь, человѣкъ, или птица;
А иначе стѣна вѣдь не будетъ прочна,
Да и строить ее не годится.

—Знаю самъ, не забылъ, и тебя не просилъ
Я сегодня объ этомъ напомнить,
И Ордынцу Сергѣю вчера поручилъ
Тотъ обычай и нынѣ исполнить.

Завтра онъ совершитъ, что обычай велитъ,
И начнетъ съ мастерами работу,
А теперь, кто со мной, забѣгите домой,
Да и въ поле—пора на охоту.

2.

Той порой на горѣ, на Почайнѣ рѣкѣ,
На посадѣ у церкви Кондрата,
Проживалъ молодецъ, пригородный купецъ,
По прозванью Григорій Лопата.

Былъ онъ родомъ съ Днѣпра, но нужда привела
Его въ Нижній, гдѣ онъ поселился,
Торговалъ, сталъ богатъ, и съ полгода назадъ
На посадскаго дочкѣ женился...

Въ день закладки стѣны, для осадной войны,
Поздно утромъ Алёна проснулась,

И открывши глаза, послѣ крѣпкаго сна,
Съ наслажденьемъ разокъ потянулась;

Но въ испугѣ затѣмъ соскочила совсѣмъ,
Подбѣжала къ окну, посмотрѣла.
— Ай, шепнула, бѣда, я никакъ проспала,
И воды принести не успѣла.

Ну, а какъ на бѣду, пока я не приду,
Встанетъ мужъ, пожелаетъ умыться,
И воды не найдетъ, вѣдь пожалуй прибьетъ,
Цѣлый день потомъ станетъ браниться.

Вонъ ужъ скоро народъ отъ обѣдни пойдетъ,
Ишь какъ солнце поднялось высóко,
Неравно кто зайдетъ, а меня не найдетъ,
За водою идти вѣдь далёко.

Притаившись какъ звѣрь, отперла она дверь,
Сердце въ ней такъ отъ страху и билось,
Оглянулась кругомъ,—и скорѣе бѣгомъ
На рѣку за водою спустилась,

Прибѣжала на плотъ, смотритъ: кто-то идетъ,—
А она и платка не надѣла,—
И скорѣе воды зачерпнула она,
И обратно идти ужъ хотѣла.

Но взбираться горой, по тропинкѣ сырой,
Тяжело, и скользятъ сильно ноги;
А короче былъ путь, коль стѣну обогнуть
И дойти до проѣзжей дороги.

И Алёна пошла тамъ, гдѣ легче идти,
Гдѣ скорѣй можно было вернуться,
Чтобъ пораньше придти и воды принести,
Пока мужъ не успѣетъ проснуться.

Вотъ идетъ и съ трудомъ коромысло несетъ,
Тяжело—не мужская вѣдь сила;
Вдругъ глядитъ въ сторонѣ, примыкая къ стѣнѣ,
Яма вырыта—словно могила.

Любопытства у бабъ ужъ не выбьешь никакъ,
Не могла не взглянуть, не стерпѣлось,

Нѣтъ ли въ ямѣ кого, не лежитъ ли чего
Непремѣнно узнать захотѣлось.

Вотъ она подошла, яму ту обошла
И на дно ямы той посмотрѣла,
Но едва лишь затѣмъ на другое плечо
Положить коромысло успѣла,

Какъ изъ ближнихъ воротъ показался народъ,
Все угрюмыя, грозныя лица,
Ей кричатъ:—погоди! дальше ты не иди,
Молодая жена иль дѣвица!

А поподчуй водой! И живою стѣной
Вся толпа ее въ мигъ окружила;
Но Алёна не робкой была создана
И съ усмѣшкою всѣхъ ихъ спросила:

—Шутку что ли шутить, иль меня устрашить
Вы хотите? да я не пуглива,
Вотъ ужо на зарѣ вы къ зеленой горѣ
Приходите, тамъ я говорлива.

А теперь не мѣшай! я по дѣлу иду,
И на шутки теперь не гожуся;
Не мѣшай! говорю, а не то оболью!
Я вѣдь злая, когда разсержуся!

—Нѣтъ, не шутку шутить, не тебя устрашить
Мы хотимъ: наша шутка плохая,
И вечерней зари, и зеленой горы
Не видать ужъ тебѣ, молодая!

Эй, поди, доложи, да проворнѣй! скажи,
Что попался не звѣрь и не птица,
А живая душа, молода, хороша,
Городскаго купца молодица.

Впрочемъ нѣтъ! погоди! даромъ ты не ходи!
Вонъ онъ самъ къ намъ идетъ, вѣрно видѣлъ,
Вѣрно самъ поджидалъ, и хоть слѣпъ нынѣ сталъ
А красавицу вонъ гдѣ увидѣлъ.

Глядь, и впрямъ изъ воротъ, торопливо идетъ
Княжій стольникъ, бояринъ Ордынецъ,

Весь какъ иней сѣдой, но въ бою удалой,
И великаго князя любимецъ.

Испугалась она, стала разомъ блѣдна,
Сердце въ ней что-то страшное чуетъ,
И стоитъ, и дрожитъ, и молитву творитъ,
И со страхомъ глядитъ, что-то будетъ!

А старикъ себѣ шелъ, но едва подошелъ,
Какъ Алёна предъ нимъ повалилась,
И молила пустить, и ей глупой простить,
Коль она въ чемъ-нибудь провинилась.

Но суровый старикъ съ давнихъ поръ ужъ привыкъ
Къ этимъ стонамъ, мольбамъ и рыданьямъ;
И скорѣй бы въ иномъ камнѣ дикомъ, чѣмъ въ немъ,
Проявилось къ людямъ состраданье.

Онъ сурово взглянулъ и ногой оттолкнулъ,
И велѣлъ чтобъ ее придержали,
И кушакъ съ себя снялъ, и ей ротъ завязалъ,
Чтобы крику ея не слыхали.

—Бабій умъ не великъ, но силенъ у нихъ крикъ,
Цѣлый день вѣдь кричать не устанетъ,
Ну, а глупый народъ, какъ заслышитъ, придетъ,
Отбивать, чего добраго, станетъ.

Эй, Иванъ! знаешь тамъ, гдѣ я съ вечера самъ
Двѣ доски приготовилъ съ тобою,
Такъ одну, подлиннѣй, принеси поскорѣй,
Захвати и веревку съ собою.

Вы-жъ сомкнитесь плотнѣй, никого теперь къ ней
Изъ родныхъ допускать не годится;
Лишь бы кончить скорѣй, да держите сильнѣй,
Что ей даромъ о землю-то биться!

А! принесъ, ну клади, да не такъ, погоди,
Положи тѣмъ концомъ на каменья;
Поровнѣе, вотъ такъ! поддержи же, дуракъ,
Ни на грошъ въ тебѣ нѣту умѣнья.

Ну молодка, пора, мы вѣдь ждали съ утра,
Раньше солнца сегодня мы встали,

И стоимъ у воротъ, да глядимъ, кто пройдетъ,
И глядѣть-то признаться устали.

Ну не бейся! лежи! не вертись! не дрожи!
Этимъ ты ничего не поможешь;
Ишь вѣдь какъ егозитъ, такъ изъ рукъ и скользитъ
Словно угорь, не скоро уложишь!

Онъ Алёну схватилъ, вдоль доски положилъ,
И съ обычной издавна сноровкой,
Отъ затылка до пятъ, словно малыхъ ребятъ
Спеленалъ ее крѣпкой веревкой.

—Ну теперь не зѣвай! становитесь на край!
И спускай потихоньку въ могилу.
Такъ!... довольно!... легла!... ишь ты какъ тяжела,
Приподнять, такъ и то не подъ силу.

Ну, теперь въ самый разъ! не гнѣвись же на насъ
Раскрасавица—мы не причина,
Знать злодѣйка судьба привела къ намъ тебя,
Знать такая ужь доля-кручина.

А теперь мнѣ подай коромысло! да дай
И ведро, хоть оно ей не нужно;
Но нельзя не зарыть,—все, что съ ней, положить
За одно по обычаю нужно.

Все устроивъ старикъ, къ бѣдной жертвѣ приникъ
И кушакъ ей стянулъ поплотнѣе.
Изъ могилы прыгнулъ, и однако вздохнулъ,
И велѣлъ зарывать поскорѣе.

Но на зовъ старика не нашлася рука,
Чтобъ на страшное дѣло подняться,
И никто не хотѣлъ, и боялся, не смѣлъ
За такую работу приняться.

И старикъ осерчалъ, и на нихъ закричалъ,
—Что-жъ вы стали, живѣй за работу!
Надо кончить скорѣй, не легко вѣдь и ей,
Умирать никому не въ охоту.

Пусть погибнетъ она, за весь городъ одна,
Мы въ молитвахъ ее не забудемъ;

Лучше гибнуть одной, да за крѣпкой стѣной
Отъ враговъ безопасны мы будемъ!

И лопату схвативъ, и земли захвативъ,
На Алёну онъ бросилъ въ могилу,
А за нимъ и другіе ужъ стали бросать,
Чтобъ ее поскорѣй задушило.

И въ смущеньи нѣмомъ всѣ стояли кругомъ,
Лишь проворно работали руки,
Но никто не глядѣлъ, и взглянуть не посмѣлъ
На несчастной предсмертныя муки.

Только солнце одно разсказать бы могло,
Что́ предъ смертью она испытала,
Какъ ей горе-слеза застилала глаза,
Какъ несчастная билась.... дрожала....

Вотъ исчезло чело.... вотъ и всю занесло....
Вотъ съ краями могила сравнялась....
И отъ жертвы живой, за обычай людской,
И слѣда надъ землей не осталось.

3.

Долго ждалъ-поджидалъ и сердился, ворчалъ
Молодой, поджидая молодку,
И ужъ молвилъ не разъ, что сегодня задастъ
Онъ Алёнѣ хорошую трёпку.

Наконецъ, не стерпѣлъ, шапку на бокъ надѣлъ,
Заперъ дверь на замокъ за собою,
И не вымывъ лица, онъ спустился съ крыльца,
И пошелъ на рѣку за женою.

Вотъ подходитъ къ водѣ, нѣтъ Алёны нигдѣ,
На плоту лишь двѣ бабы стояли,
И согнувшись дугой, надъ проточной водой,
Тараторя, бѣлье полоскали.

Онъ ихъ зналъ, и шутя имъ обѣимъ сказалъ,
Что Алёна съ утра закутила,
И спросилъ: чай, она и сюда-то пьяна
За водою на плотъ приходила?

—Нѣтъ, родимый, не ври, отвѣчали они,
Мы Алёны твоей не видали;
Да давно ли она за водою пошла,
Изъ избы-то, давненько ушла-ли?

—Да сказать мудрено, какъ, примѣрно, давно;
Я вѣдь спалъ, а она, какъ проснулась,
Чай пошла за водой, да съ тѣхъ поръ ужъ домой,
Сколько времени жду, не вернулась.

—Ишь ты, гдѣ-же ей быть? Не могла вѣдь забыть,
Что тебѣ надо будетъ умыться;
У тебя же она просто кладъ—не жена,
Хоть другимъ у нея поучиться.

А вотъ баялъ Ѳедотъ, да пожалуй и вретъ,
Что сегодня кого-то схватили,
И вонъ тамъ у воротъ, гдѣ работа идетъ,
Безъ вины и распроса зарыли.

Говоритъ: самъ слыхалъ, кто-то долго кричалъ,
А потомъ зарывать что-то стали,
Разузнай, на бѣду, не жену ли твою,
Чего добраго, тамъ закопали.

Говоритъ.... Но ужъ онъ былъ далеко отъ нихъ,
И бѣжалъ напрямикъ безъ оглядки;
И болѣзненно сердце сжималося въ немъ
Отъ мелькнувшей внезапно догадки.

Наконецъ добѣжалъ, и за камнями всталъ,
А не то вѣдь прибьютъ, коль замѣтятъ;
И пытливо глядѣлъ, но спросить не посмѣлъ,
Да и зналъ, что они не отвѣтятъ.

И случилось же такъ, что Алёнинъ башмакъ,
Какъ ее зарывали, остался,
Былъ затоптанъ въ песокъ и случайно носокъ
На глаза ему прямо попался;

Тотъ изъ пары одной, что минувшей весной
Онъ купилъ у татаръ за двѣ бѣлки;
Что обшитъ былъ кругомъ, по краямъ серебромъ,
А съ боковъ были вышиты стрѣлки.

Догадался купецъ, понялъ все наконецъ,
И какъ снопъ на траву повалился,
И съ рыданьемъ глухимъ о холодный песокъ,
Надъ могилой Алёны онъ бился.

Еслибъ только онъ зналъ, онъ бы то имъ сказалъ,
Что они бы ее отпустили;
Вѣдь они не одну закопали жену,
Вѣдь они и ребенка зарыли.

Долго онъ ихъ молилъ и отрыть все просилъ,
Хоть взглянуть на жену—не жива-ли;
Но старикъ осерчалъ, отогнать приказалъ,
И съ угрозой его отогнали.

Цѣлый день онъ бродилъ, самъ не зналъ гдѣ ходилъ,
И лишь поздней ночною порою
Очутился бѣднякъ, самъ не вѣдая какъ,
На обрывѣ крутомъ надъ Окою.

Сильный вѣтеръ шумѣлъ, небо мглою одѣлъ,
И страшна была темная ночь;
Но никто не умѣлъ, и не могъ, и не смѣлъ
Овдовѣвшему мужу помочь.

И въ безумной тоскѣ онъ взмолился рѣкѣ:
—Ты сильна, имъ тебя не обидѣть,
Отомсти—и волной ты могилу размой,
Дай хоть кости мнѣ милыхъ увидѣть,

За услугу твою, я тебѣ отдаю
Свою грѣшную душу и тѣло,
Хоть послѣднимъ рабомъ буду въ царствѣ твоемъ,
Лишь скорѣй принимайся за дѣло!

И съ проклятьемъ вздохнувъ, и на небо взглянувъ,
Безпредѣльною злобою полный,
Не боясь темноты, онъ съ крутой высоты
Въ разъяренныя кинулся волны.

Съ той поры, каждый годъ, только тронется ледъ,
Начинаетъ Ока волноваться;
Послѣ зимняго сна, новой силой полна,
Не по днямъ—по часамъ разливаться.

Соберетъ всѣ снѣга, и зальетъ берега,
И шумитъ, и бушуетъ, и злится,
И волну за волной высылаетъ на бой,
И до башни добраться стремится.

Но гора высока,—и напрасно рѣка
Тратитъ даромъ могучія силы;
И прибои волны башнѣ той не вредны,
И не смыть имъ завѣтной могилы.

II.

КНЯЖЬЯ МОГИЛА.

Не горюй! ободрись! на судьбу не гнѣвись!
Слушай лучше ты стараго дѣда,
Да прилежнѣй внимай и на усъ намотай;
Не вредна съ стариками бесѣда.

Ты завидуешь счастью людскому,
Ты завидуешь тѣмъ, кто богатъ,
Но повѣрь! наша скромная доля
Позавиднѣй роскошныхъ палатъ.

Разскажу я тебѣ то, что слышалъ
Я отъ дѣда о князѣ одномъ;
А и дѣда могилы не сыщешь
Ты на нашемъ кладбищѣ родномъ.

Ужъ прошло много лѣтъ, такъ разсказывалъ дѣдъ,
Какъ случилося странное дѣло:
Привезли къ намъ въ Услонъ, для простыхъ похоронъ,
Чье то женское мертвое тѣло.

Три подводы биткомъ, и солдаты кругомъ,
На четвертой, покрыто тулупомъ,
Это мертвое тѣло лежало пластомъ;
Вился коршунъ высоко надъ трупомъ.

Разбудили попа; привели столяра,
Тотчасъ гробъ сколотить приказали

И во храмъ отнесли, но затѣмъ никого
Изъ народа туда не пускали.

Только слѣдомъ одинъ привезенный вошелъ,
Былъ онъ худъ отъ тяжелой невзгоды,
Хоть въ тулупѣ простомъ, но съ надменнымъ лицомъ,
И по виду боярской породы.

Слышно было, какъ въ церкви бояринъ читалъ
По усопшей псалтырь черезъ силу,
Ну а приставъ, согнавъ мужиковъ, приказалъ
Чтобы рыли скорѣе могилу.

Снѣгъ глубокій сгребли, добрались до земли́
И едва за рытье принялися,
Да взглянули: изъ церкви бояринъ идетъ,
Ну всѣ разомъ за шапки взялися.

Молча онъ подошелъ и боярской рукой
Взялъ лопату у старосты Силы,
И одинъ, въ полчаса, безъ подмоги людской,
Вырылъ самъ для усопшей могилу.

Разсвѣло; приказали попу отпѣвать,
Сталъ онъ спрашивать имя покойной,
Чтобы знать какъ въ молитвахъ ее поминать,
Но отвѣтъ услыхалъ непристойный.

Не твое дѣло знать, какъ ее надо звать,
Безъ тебя про то вѣдомо Богу;
Поскорѣй отпѣвай, да какъ хошь называй.
Ужъ пора собираться въ дорогу.

Ну отпѣлъ, понесли, на могилу снесли,
Опустили, и спорый въ работѣ
Князь могилу зарылъ, никого не пустилъ
Помогать ему въ этой заботѣ.

Лишь сравнялъ, какъ тотчасъ былъ ужъ отданъ приказъ,
Чтобы всѣ по подводамъ садились,
Подошли и къ нему, и зовутъ,—только онъ
Такъ взглянулъ, что они отступились.

Поглядѣлъ, постоялъ, на колѣни упалъ,
До земли надъ могилой склонился,

И надъ прахомъ жены, съ обнаженной главой,
Долго плакалъ и долго молился.

—Охъ прости, говорилъ, я тебя погубилъ,
Я за гордость свою вѣдь наказанъ,
Ну а ты то за что изстрадалася вся;
Видно жребій намъ свыше указанъ.

Всталъ, сурово глядитъ, а кругомъ все молчитъ,
Горсть земли захватилъ онъ съ могилы,
И въ платокъ завязалъ, и, крестяся, сказалъ:
Эта горсть мнѣ придастъ много силы.

Буду я вспоминать, буду молча страдать,
Буду ждать я свиданья съ тобою,
И настанетъ пора, и зароютъ меня
Подъ холодной Сибирской землею.

И уѣхалъ; а мы получили наказъ,
Чтобы зорко стеречь ту могилу,
Никого чтобы къ ней не пускать, а не то,
Чтобы горя себѣ не добыли.

Кто же былъ этотъ князь? Погоди, не спѣши,
До конца дожидай—и узнаешь;
Коли будешь ты рѣчь безъ пути прерывать,
Такъ не скоро разумнѣе станешь.

Послѣ къ намъ пріѣзжалъ пономарь изъ Москвы,
Приходился попу онъ племянникъ,
Ну такъ онъ разсказалъ, потому что слыхалъ,
Кто былъ этотъ опальный изгнанникъ.

Родился онъ въ Москвѣ, съ раннихъ лѣтъ сирота,
Былъ какъ мы изъ простаго народа,
Пироги продавалъ, послѣ въ милость попалъ,
Сталъ большой на Руси воевода,

Сталъ онъ первый бояринъ и такъ ужъ богатъ,
Что не зналъ даже деньгамъ и счету;
Говорятъ, при строеніи княжьихъ палатъ
Крыли золотомъ все безъ расчету.

Былъ въ почетѣ большомъ, царствомъ всѣмъ заправлялъ,
Все имѣлъ, что имѣть лишь возможно,

Только Бога забылъ,—и его обуялъ
Духъ гордыни, суѐтности ложной.

Захотѣлось ему, какъ въ былую пору,
Съ царскимъ родомъ чрезъ дочь породниться,
Только дѣло повелъ не добромъ и Царя
Захотѣлъ, вишь, принудить жениться.

Ну, вѣстимо, что Царь осерчалъ и велѣлъ
Чтобъ у князя, для пущей охраны,
Все добро отобрать, самого же сослать
И съ семьею въ далекія страны.

Какъ везли, такъ женѣ, послѣ прежнихъ затѣй,
Тяжела показалась дорога,
Захворала, да съ горя ослѣпла отъ слезъ
И преставилась въ Царствіе Бога.

Изъ чухонской земли многихъ такъ провезли,
Многихъ послѣ назадъ воротили,
Ну а князь не прощенъ былъ Царицей—и онъ
Умеръ гдѣ-то далеко въ Сибири. *)

КАРТИНЫ МИНУВШАГО

I.

Темно и безмолвно въ боярскихъ хоромахъ,
Лишь слышенъ собакъ надрывающій вой,
Да сторожъ сидитъ у воротъ, ожидая,
Когда возвратится бояринъ домой.

Пріѣхалъ! Сошелъ онъ съ повозки угрюмо,
Взобрался съ трудомъ на крутое крыльцо

---

*) Могилу княгини Меньшиковой показываютъ въ селѣ Верхній Услонь Казанской губерніи, на священническомъ погостѣ. Старожилы, разсказывая объ этомъ преданіи, говорятъ, что надъ могилой была построена церковь, но она сгорѣла. Надгробный камень почти разрушился, и изъ бывшей надписи едва можно разобрать слова: здѣсь погребено тѣло рабы Божіи Д...—(См. Волга отъ Твери до Астрахани изд. общ. Самолетъ.)

И встрѣтивъ слугу съ фонаремъ на подъѣздѣ,
Прошелъ, закрывая отъ свѣта лицо.

—Сердитъ—или хмѣль разбирать начинаетъ
Подумалъ дворецкій,—должно быть хлебнулъ;
Вошелъ за бояриномъ слѣдомъ въ хоромы
И вскрикнулъ, едва на него лишь взглянулъ.

—Чего испугался? Гляди да любуйся!
Вотъ чѣмъ награжденъ я за службу мою!
Вотъ царская ласка, подарокъ нежданный,
Вотъ какъ проявляетъ онъ милость свою!

Ступай! Опустился онъ грузно на лавку,
Взглянулъ на себя съ безъисходной тоской
И долу челомъ наклонился печально,
И голову подперъ дрожавшей рукой.

—Ты молодъ, ретивъ, но жестокъ безъ причины
Шепталъ онъ,—жестокость въ тебѣ велика;
И тяжкое горе нежданной кручины
Туманило взоры и мозгъ старика.

—Обычай заморскій во всемъ возлюбивши,
Рѣшился ты насъ по заморски обрить,
Ты думалъ, что божескій ликъ измѣнивши,
Заставишь легко старину позабыть.

Что станетъ не трудно сойтись намъ поближе
Съ заморскою стаей любимцевъ твоихъ,
Но ты позабылъ что ты молодъ, а мы же
Всю жизнь провели при обычьяхъ своихъ.

Еще твою мать и царицей не звали,
А мы ужъ служили отцу твоему,
Прямили по чести, въ опалѣ бывали,
Но бороды стричь не пришлось никому.

Служилъ и тебѣ я по правдѣ исконной,
По древнимъ завѣтамъ покойныхъ отцовъ,
И отдалъ тебѣ, для науки заморской,
Я въ царскую службу родныхъ молодцовъ.

За чтожъ ты меня такъ жестоко обидѣлъ?
За что ты рукой своего дурака

Нанесъ мнѣ безчестье? Иль ты не предвидѣлъ
Какъ страшно унизилъ ты тѣмъ старика?

Моя борода ничего не скрывала,
Росла она вмѣстѣ со службой моей,
И вѣрную русскую грудь прикрывала;
Питали враги уваженіе къ ней.

Отвѣтишь ты Богу за наше увѣчье,
За то, что нанесъ мнѣ позорный изъянъ,
За то, что подобишь лицо человѣчье
Ты харямъ заморскихъ твоихъ обезъянъ.

За то, что забывши завѣтъ христіанскій
Ты бороды стричь безъ нужды приказалъ,
И скоблишь лицо ты ножомъ басурманскимъ,
Гдѣ волосу быть самъ Господь указалъ.

Жена.... Какъ теперь передъ ней показаться,
Какъ встрѣчу я дворню, какъ выйду на свѣтъ,
Повсюду насмѣшки я долженъ бояться,
И мнѣ отъ позора спасенія нѣтъ.

И долго сидѣлъ онъ въ раздумьи тяжеломъ,
И часто къ лицу поднималась рука,
Но словно коснувшись огня упадала,
И капали слезы изъ глазъ старика. *)

II.

Давно уже ночь наступила надъ Псковомъ,
Но въ городѣ глаза никто не смыкалъ,

---

*) Привязанность ко всему, что перешло къ намъ отъ предковъ было, какъ извѣстно, предметомъ глубокаго уваженія между Русскими. Когда во время поѣздки Петра Великаго за границу, бояринъ Головинъ рѣшился сбрить бороду, надѣть завитой парикъ и нарядиться во французскій кафтанъ, и объ этомъ узнали въ Москвѣ, то старые бояре и духовенство ужаснулись, потому что борода считалась почти священною принадлежностью мужчины. По возвращеніи Петра въ Москву, когда къ нему стали пріѣзжать на поклонъ знатнѣйшіе сановники, то онъ быстро отхватывалъ имъ бороды ножницами и хохоталъ ихъ смущенію. Такъ остригъ онъ старика Шеина, кесаря Ромодановскаго и другихъ. Кому не успѣвалъ онъ отрѣзать бороды самъ, надъ тѣмъ совершалъ эту операцію придворный шутъ,—и присутствующіе хохотали сквозь слезы. (Чтен. изъ Руск. Ист. Щебальскаго. Вып. втор. 58).

И съ трепетомъ сердца, въ ужасномъ томленьи,
Расправы крутой побѣдителя ждалъ.

Тяжелая ночь! За стѣной городскою
Раскинулся станъ кровожадный Царя,
Готовый во градъ покоренный ворваться,
Едва заалѣетъ на небѣ заря.

И въ станѣ побѣдномъ немногіе спали,
Точили ножи, заостряли мечи,
И только разсвѣта желаннаго ждали;
Готовились къ тяжкимъ трудамъ палачи.

Знакомы они, какъ чинится расправа
Надъ буйной, кичливой толпой городской,
Не сыты еще Новгородскою кровью,
Сбиралися нынѣ отвѣдать Псковской.

Но въ ставкѣ Іоанна темно и спокойно,
Не слышно движенья, хотя онъ не спитъ,
Но плотно въ соболій тулупъ завернувшись,
Безмолвно на ложѣ спокойномъ сидитъ.

Вдругъ звонъ колокольный во Псковѣ раздался,
Ему отозвался другой—и во слѣдъ
Повсюду въ церквахъ зазвонили печально
Тѣмъ звономъ особеннымъ, вѣстникомъ бѣдъ.

Гудѣли протяжно могучіе звуки,
Сзывая къ молитвѣ своихъ прихожанъ,
И быстро стекались на призывъ печальный
Толпы побѣжденныхъ Псковскихъ горожанъ.

И мѣрному звону, дыханіе вѣтра,
До слуха Царя долетѣть помогло
И вздрогнулъ Іоаннъ, и минувшаго бремя,
Воспрянувъ, на душу его налегло.

Напомнилъ ли звонъ ему юность и время,
Когда онъ на русское Царство вступалъ,
Когда непосильное юношѣ бремя
Съ мужами разумными онъ раздѣлялъ?

Напомнилъ ли время казанскихъ походовъ,
Когда онъ впервые враговъ побѣждалъ,
Когда, передъ мудростью царской склоняясь,
Народъ отъ него лишь добра ожидалъ?

Напомнилъ ли то пережитое утро,
Когда, обезумѣвъ предъ страшной бѣдой,
Стоялъ онъ во храмѣ надъ свѣжей могилой
Столь рано погибшей жены молодой?

Напомнилъ ли бездну кровавыхъ злодѣйствъ
И сына кончину отъ длани отца,
И близкую смерть, да отвѣтъ неизбѣжный
Раба передъ вѣчной державой Творца?

Извѣстно лишь Богу; но только глубоко
Вздохнулъ онъ и выслушалъ звонъ до конца,
И что то, чего ужъ давно не видали,
Мелькнуло въ чертахъ испитаго лица.

И вышелъ онъ къ войску; вокругъ ужъ собрались
Сподвижники подвиговъ страшныхъ его
И только призыва Царя дожидались,
Чтобъ казни начать, не щадя никого.

Но вмѣсто былаго призыва къ убійству,
Къ расправѣ крутой, какъ твердила молва,
Къ рѣзнѣ безпощадной, къ кровавому пиру,
Услышали звѣри иныя слова.

— Притупите мечи́, ужъ довольно убійствъ,
И лежачаго бить не довлѣетъ,
Изрекаю пощаду я всѣмъ—и никто
Измѣнить мою волю не смѣетъ.

Никому, никакого вреда не чинить,
Никого обижать не дерзайте,
Даже тѣхъ, кто надъ вами худое свершитъ,
Безъ суда моего не карайте.

Въ эту ночь, по церквамъ, предъ святымъ олтаремъ.
Всю крамолу они искупили;
Божью волю всегда исполняя во всемъ,
Мы вины ихъ охотно простили.

Изумленно глядѣли бойцы на Царя
И словамъ его, молча, внимали,
Но никто возразить не рѣшился ему:
Гнѣва царскаго всѣ избѣгали.

Хоть сурово онъ встрѣтилъ толпу горожанъ,
Что предъ нимъ съ хлѣбомъ солью склонились
И со страхомъ безмолвнымъ, предъ грознымъ царемъ,
Въ супротивныхъ дѣяньяхъ винились;

Но спокойно онъ въ городъ крамольный вошелъ,
И святынямъ Псковскимъ поклонился,
И безъ страшныхъ убійствъ, безъ расправы крутой,
Даже гроша не взявъ изъ казны городской,
Въ тотъ же день онъ къ Москвѣ удалился. *)

КОНЕЦЪ.

*) См. Святыни и древности Пскова. Графа М. Толстаго.

LIBRARY OF CONGRESS
00024215106